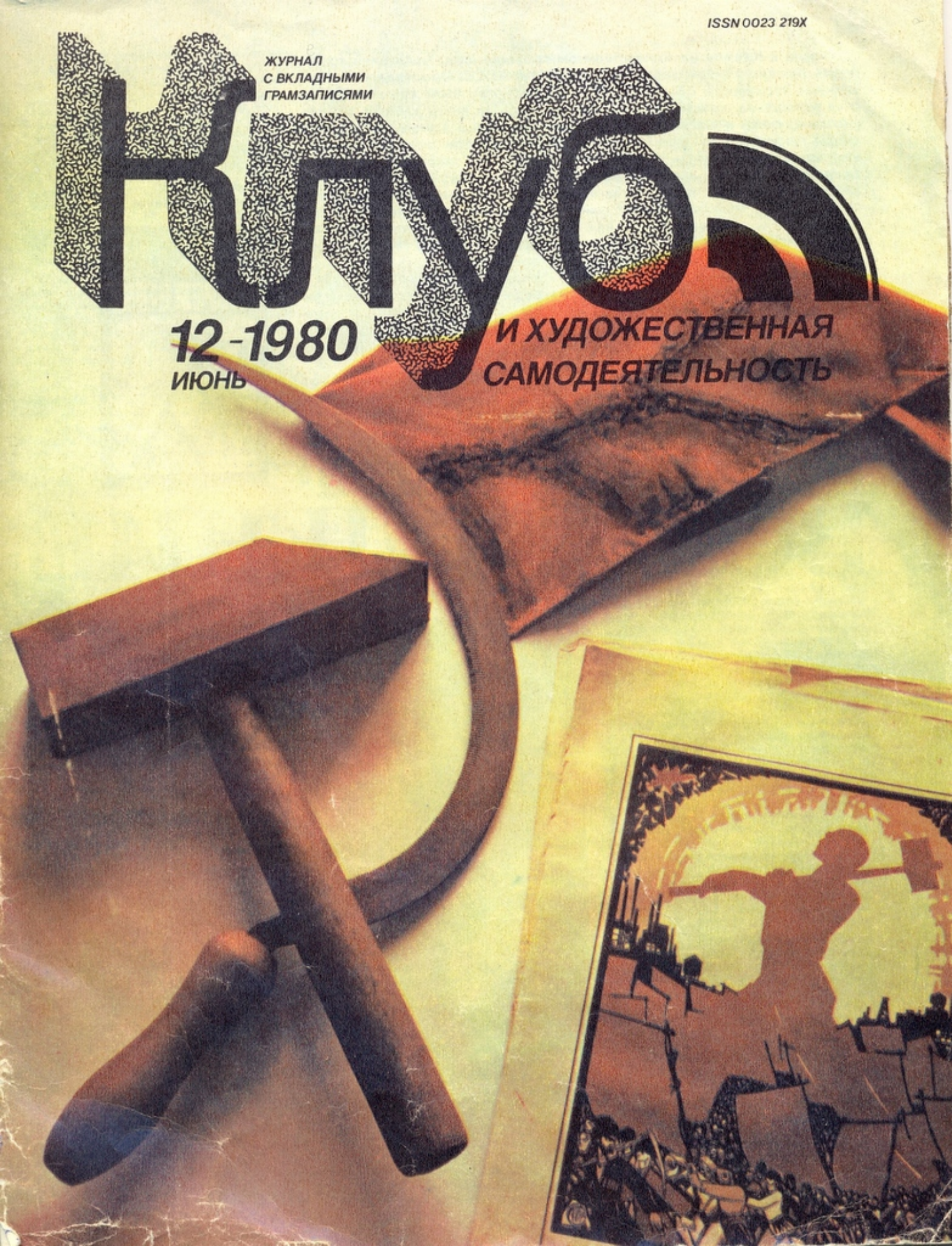

ЖУРНАЛ
С ВКЛАДНЫМИ
ГРАМЗАПИСЯМИ

Клуб

12-1980
ИЮНЬ

И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

31 марта в Кремле на торжественном собрании представителей трудящихся Москвы Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу была вручена Ленинская премия за неустанную борьбу за мир, за книги «Малая земля», «Возрождение» и «Целина». Миллионы читателей в нашей стране, миллионы людей в зарубежных странах восприняли эти книги как пламенную правдивую повесть о героических подвигах советского народа в важнейшие периоды его истории. Выступая на церемонии вручения премии, Л. И. Брежнев подчеркнул: «Меньше всего мне хотелось, чтобы книги «Малая земля», «Возрождение», «Целина» воспринимались как мемуарные сочинения. Работая над своими записками, думал я не о себе — и даже, пожалуй, не столько о прошлом, сколько о том, чем опыт прошлого может быть полезен людям сегодня».

По всей стране — в клубах, Домах и Дворцах культуры, в школах и библиотеках проходят читательские конференции и вечера, посвященные книгам «Малая земля», «Возрождение» и «Целина». Трудно переоценить значение использования на этих встречах кино-, фото- и фонодокументов, связанных с волнующими событиями истории страны, описанными в книгах Л. И. Брежнева.

В 22-м номере нашего журнала за 1978 год и в 3-м номере за 1979 год были помещены вкладные пластинки, посвященные книгам «Малая земля» и «Целина». Работники клубов получили звуковые документы, которые помогли им в подготовке и проведении тематических вечеров и конференций. В этом номере журнала помещена пластинка, на которой звучат голоса героев книги Леонида Ильича Брежнева «Возрождение» — людей, внесших огромный вклад в восстановление «Запорожстали» и Днепрогэса.

НА ВКЛАДНЫХ ПЛАСТИНКАХ НОМЕРА

Первая и вторая стороны первой пластинки: «Возрождение»

ВОЗРОЖДЕНИЕ

И через сотни лет будет помнить наш народ суровую тяжесть послевоенной статистики: 20 миллионов жизней... 1 710 городов, более 70 тысяч сел и деревень, 3 150 промышленных предприятий было разрушено врагом в годы Великой Отечественной войны. 25 миллионов человек остались без крова...

Пришел день Великой Победы над фашизмом, и огненный фронт сменился фронтом трудовым. Навсегда останутся в благодарной памяти поколений рядом с именами героев войны имена героев, возродивших освобожденную землю.

...Они вернулись в свой город — строители, энергетики, металлурги, доменщики, чтобы поднять его из пепла. Разбирали завалы, поднимали упавшие опоры. В конце долгого рабочего дня казалось, что иссякли силы и сердце не может выдержать нагрузки, но наступало утро, и вновь каждый был там, где его ждали.

Что чувствуют эти люди, вспоминая сейчас годы прекрасной своей, героической юности? Конечно, волнуются. И не стесняясь, плачут от счастья так же, как не могли они сдержать слез, когда загорелась первая лампочка, оживленная восстановленным Днепрогэсом, когда заработали прокатные станы «Запорожстали».

Сколько характеров, сколько судеб, героических и прекрасных, открыла для нас книга Л. И. Брежнева!

Поставлена на диск пластинка. Мы слушаем голоса Анны Степановны Лошкаревой, Григория Кузьмича Лубенца, Елены Семеновны Шеремет и, конечно же, вновь и вновь обращаемся к тем страницам из книги «Возрождение», где с уважением и благодарностью написано о них.

«...Обком партии добивался, чтобы масса людей стала коллективом, чтобы в коллективе выросли вожаки, заметные, яркие люди. И, конечно, таких людей выросло много... Вот одна удивительная судьба. Всякий раз, когда приходилось бывать на Днепрострое, еще издали слышал звонкие голоса девчат, которые подавали бетон в тело плотины. До бровей закутанные платками, обсыпанные цементной пылью, в жару ли, в холод, они не теряли бодрости никогда. Спросишь, как идут дела, и всегда в ответ звонкое: «Хорошо!» Это была бригада Ани Лошкаревой, занесенная в книгу Почета республики. На одном из собраний актива, в котором участвовали бригады ударные, комсомольские,

фронтовые, ко мне подошли в перерыве принаряженные девушки, и я не сразу узнал старых своих знакомых.

— А ваша бригада тоже ведь фронтовая!

— Была фронтовой.

— Нет, Аня, не согласен. Предстоит паводок, нужен хороший бетон, от вас зависит качество работы всех бригад. Ваш фронт еще впереди.

Работали девушки хорошо. Во время празднования тридцатилетия Октября увидел их среди демонстрантов, крикнул в микрофон: «Привет бригаде Ани Лошкаревой!» Оглянулись, заулыбались... [Брежнев Л. И. Возрождение, с. 17—18. М., Политиздат, 1979.]

«...Строгий суточный график уязвлял воедино работы, производимые разными управлениями, помогал контролировать твердые сроки ввода объектов...

Но, разумеется, ввести график — это полдела. Надо было добиться повседневного контроля за его выполнением... Главным диспетчером стал Григорий Лубенец... Тогда это был молодой здоровенный парень, он сидел в окружении десятков телефонов, ухитрялся все видеть, все помнить, всюду поспевать и в 17.00, когда проводился ежедневный диспетчерский рапорт, мог ответить на любой возникавший вопрос». («Возрождение», с. 11—12.)

«...Мне хочется помянуть добрым словом одну скромную женщину — инженера «Запорожстали» Е. С. Шеремет. Много ли может сделать один человек! Много, если предан делу и помнит свой долг. В черные дни отступления, когда гитлеровцы обстреливали город, она собрала, вывезла, потом сберегла и наконец вернула на завод все кальки и чертежи. Многие тысячи листов. И как они пригодились! Поступало оборудование — и возвращенное из эвакуации, и заново выпущенное для нас, — проектировщикам и монтажникам старые чертежи помогли сэкономить драгоценное время». («Возрождение», с. 34—35.)

Прошли годы. Елена Семеновна Шеремет уже на пенсии. Анна Степановна Лошкарева работает сейчас комендантом в рабочем общежитии. Григорий Кузьмич Лубенец — министр строительства предприятий тяжелой промышленности УССР...

По-настоящему счастливо сложилась и рабочая судьба Андрея Дмитриевича Евграфова, чей голос также прозвучит

на пластинке: после восстановления Днепрогэса участвовал он в строительстве Камского гидроузла, Куйбышевской ГЭС им. В. И. Ленина, сооружении тепловых электростанций на Урале, на Волге; строил Волжский автозавод... Родина отметила его труд многими орденами. На пластинке «Возрождение» прозвучат воспоминания А. Д. Евграфова о встречах с Л. И. Брежневым в те незабываемые дни восстановления Днепровской плотины.

...3 марта 1947 года после долгих и трудных лет молчания вновь раздался голос Днепрогэса. Первый его агрегат

Ветеран восстановления
«Днепрогэса»
кавалер ордена Ленина
Анна Степановна Лошкарева

дал промышленный ток. 30 июня 1947 года в 15 часов 55 минут дала чугун первую домна Запорожского завода, а 30 августа, в сроки, поразившие специалистов своей скоростью, был принят цех тонкого листа. Начал работать стан горячей прокатки.

В день тридцатилетия Октября они шли в праздничных колоннах — сотни совсем молодых людей, усталых, но бесконечно счастливых. Впереди было еще много работы, и здесь, на берегах Днепра, и в других уголках страны, стремившейся скорее залечить свои раны.

«...Где родился, там и пригодился», — гласит русская пословица. Сегодня она, пожалуй, устарела. Сотни тысяч, миллионы советских патриотов по зову партии уезжают от своего порога, чтобы принять активное участие в преобразлении страны, в строительстве коммунизма. И дважды родной, по-особому до-

рогой становится для них земля, с которой пережили они трудности и большие победы, на которой работали, к которой, как говорится, руки свои приложили». («Возрождение», с. 61.)

Сегодня эстафету отцов принимают молодые строители БАМа и «Атоммаша»; осваивая кладовые Сибири и богатства Нечерноземья, двигая вперед науку и технику, проходит на практике основы коммунистического созидания молодежь наших дней. Не случайно в своем выступлении на церемонии вручения Ленинской премии Леонид Ильич Брежнев особо подчеркнул: «Сознание преемственности наших дел поможет лучше понять и задачи сегодняшнего дня, и дела, которые ожидают наш народ завтра. Поэтому хорошо, что в воспитании подрастающего поколения активно участвуют ветераны — ударники первых пятилеток, бойцы Великой Отечественной, герои послевоенного возрождения».

На пластинке звучат воспоминания участников восстановления Днепрогэса и «Запорожстали»: А. С. Лошкаревой; Е. С. Шеремет; Г. К. Лубенца; А. Д. Евграфова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Клуб
и художественная
самодельность

12 (546)
ИЮНЬ
1980

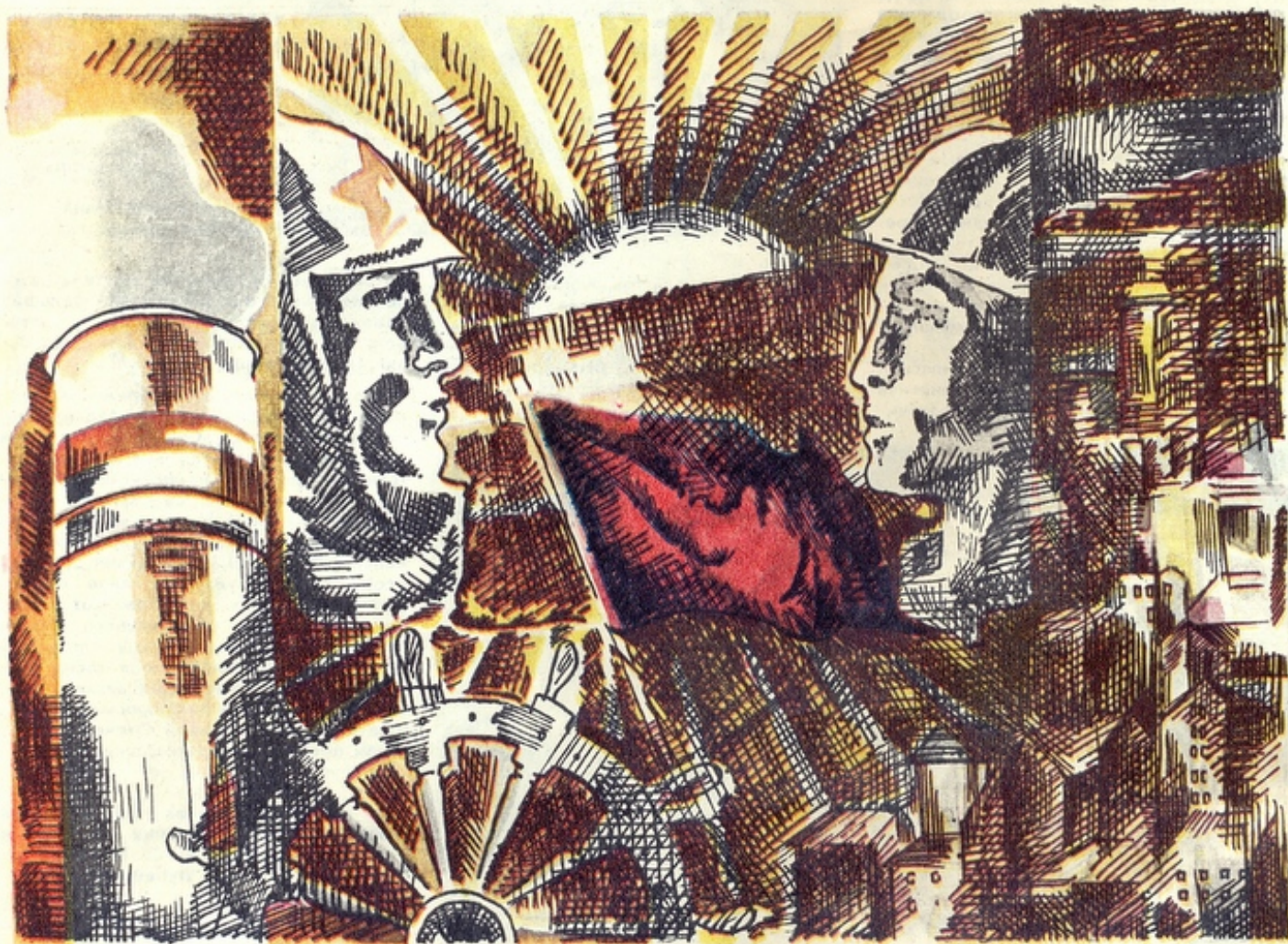
Общественно-политический и научно-методический журнал ВЦСПС и Министерства культуры СССР

Год издания
двадцать девятый
Выходит
два раза
в месяц

РАБОТАТЬ
ПО-ЛЕНИНСКИ

ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ

И. РОТИН,
журналист

Сколь неразрывны укрепление духовной связи поколений и пропаганда коммунистической морали, это сжато и четко раскрыто в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы»: «Охватывать идейным влиянием все группы молодежи, воспитывать ее на революционных, боевых и трудовых традициях партии и народа, в духе коммунистической морали».

Постановление ЦК партии — программа работы на годы во всех звеньях воспитания. Среди этих звеньев цеховой красный уголок, заводской клуб, музей завода — ближе всего придвинутые к сфере труда, жизни трудового коллектива

ступеньки культурного строительства. Пропаганда революционных традиций непосредственно связана с делами ударного ленинского года пятилетки, с техническим прогрессом и, главное, служит идейной спайке поколений, возвращению в молодом поколении чувства исторической ответственности за процветание и безопасность Родины.

Помню, в Иванове еще полтора-два десятилетия назад среди хористов встречались свидетели первых рабочих сходок. Юные ткачихи и прядильщицы слышали от них песни почти такими же, какими их знали Фрунзе и Фурманов, Афанасьев («Отец») и Бубнов... Я еще

застал там хор, участники которого песни перемежали своими рассказами о дооктябрьском времени, о годах революции и гражданской войны.

— Ветераны тех лет? — повторил теперь мой вопрос художественный руководитель Дворца культуры и техники судостроителей в городе Николаеве И. Криворучко. — Двое числятся в хоре ветеранов, но не как люди революции, конечно, а как участники Отечественной войны.

Пример с изменением состава хоров ветеранов, которые недаром же именуются теперь чаще всего хорами ветеранов труда, показывает ощутимо, что смена поколений коснулась — и не могла

не коснуться — клубной работы. Но задача воспитания революционных традиций осталась! И не только осталась, но обрела новую роль: прививать интерес и любовь к революционной истории нашей Родины поколениям, которым уже не суждено повстречаться наяву с участниками подпольной партийной работы, Октябрьского восстания и гражданской войны. Точнее сказать, в восьмидесятые годы такая возможность стала редчайшей.

Николаев — город, можно сказать, начиненный революционными традициями. Конечно, таких городов в нашей стране много. И все же мысль о том, что 1980 год есть также год семидесятилетия первой русской революции, что на николаевских заводах построен броненосец «Потемкин», летом 1905 года поднявший красный флаг, повлекла меня в город на Южном Буге.

Какими были они, николаевские рабочие-революционеры Иван Чигрин, Георгий Шкапин, Павел Сафронюк, Алексей Гмырьев и другие?

Местный историк Ш. Людокровский нашел в мемуарах старых большевиков такие оценки Чигрина: «Чигрин произвел на меня сильное впечатление. Умный и очень наблюдательный человек с сильно развитой юмористической жилкой»: «Серьезный, малоразговорчивый, но если скажет несколько слов, то крыть нечем. Очень остроумный, безупречно честный, отдавшийся делу революции всем своим существом».

На Черноморском судостроительном, бывшем заводе «Наваль», памятники, памятные доски берегут дорогие имена. Вот в этом цехе работал кузнецом И. А. Чигрин (1879—1919), один из основателей заводской большевистской организации. Между цехами теперь распределена работа о «своих» памятниках и именах.

Из лекций, в цехе прочитанных, известна в общих чертах деятельность Чигрина, но достаточно ли знаем мы о нем как о человеке?

Представить себе Чигрина поющим старую рабочую песню или разглагольствующим в подпольном кружке, почему заводчики и царь заодно, и притом услышать, как в его речи переплетаются и гнев и юмор, — значит воспринять его образ в живых и теплых красках, а не сухим и плоским, словно вырезанным из бумаги... Если теперешнему молодому слушателю, зрителю не суждено повидать деятеля партийного подполья, то живое слово лектора, живые силы искусства должны как бы свести их лицом к лицу.

В наши дни, как никогда ранее, важно выявить и соединить в едином облике расспыанные по разным источникам черты революционной личности. Ибо через разрастающуюся толщу лет в нее всматривается молодой рабочий. Перед ним прошлое как учебник нравственности, предстает не столько в датах, сколько в лицах.

В Николаев приехал и поступил токарем на Черноморский завод молодой Григорий Петровский. Ему уже дана была подпольная закладка, запали в память встречи с Иваном Бабушкиным в Екатеринославле; несколько позднее в Донбассе он подружился и с Петром Моисеенко. Он вычитал недавно из его автобиографических заметок, находящихся в Центральном партийном архиве в Москве, интереснейшую деталь этих встреч:

Моисеенко брал за душу столько же горячим словом, сколько и проникновенной песней!

Художественно одаренная натура — отнюдь не редкость в среде тогдашних передовых рабочих. Любил поэзию Шкапин, стихотворения Гмырьева печатала «Правда». Но самое показательное: поэзия была для них революционной работой. Стихотворные листовки тайно издавал Николаевский комитет РСДРП. В 1905 году был арестован, одновременно с Чигриным, токарь Игнат Макаров, и полиция нашла у него при обыске сборник революционных песен.

До Октября оставалось менее пяти лет, когда В. И. Ленин, обобщая организаторский и художественный опыт рабочего движения, высказал (в статьях «Евгений Потье...» и «Развитие рабочих хоров в Германии») мысль о пропаганде социализма рабочей песней. Известно, что одним из постоянных направлений работы большевиков в массах была поддержка песни и хора.

И сегодня в многообразный процесс усвоения революционных традиций вплетается песня — звучащая связь поколений. Она передает от сердца к сердцу свою маршевую ритмику, призывную напевность, высокочеловечный идеал.

История рабочего движения, можно сказать, записала себя в песне. В песне всемирной («Интернационал»), всероссийской («Смело, товарищи, в ногу») и в той, «местной», которую рождали рабочие окраины: Невская застава в Петрограде, Рогожская — в Москве, Верх-Исетский поселок в Екатеринбурге, Темерник — в Ростове-на-Дону, екатеринославская Чечелевка и харьковская Панасовка...

И Николаев, его Рабочая слободка, Лески, Сухой фонтан тоже не остались

ров, руководители хорового общества, культпросветработники и сами участники заслуженной хоровой капеллы и хора ветеранов не дадут затеряться ничему из того, что сберегла память города корабелов. Сумели же, например, в Горьком разыскать, записать и — как сам я однажды убедился — ввести в репертуар самодеятельных хоров нижегородскую рабочую песню! И люди революции к нам ближе придвинутся, как приближает человека к человеку песня.

В большевистском подполье Николаева действовали Григорий Петровский, Виктор Ногин, Федор Сергеев (Артем), Николай Шверник, Людмила Сталь, Виктор Радус-Зенькович и другие профессиональные революционеры; к именам навалевцев, ранее названным мною, надо прибавить Митрофана Федосеева; Александра Скороходова и многих других рабочих...

И вот в такие-то города, как Николаев, где история, словно старый горн, вся дышит жаром борьбы за победу социалистической революции, приезжаешь с особыми надеждами. В молодом рабочем хочется увидеть не просто слушателя и зрителя, а увлеченного участника исторического поиска.

Хочу разыскать на Черноморском заводе таких людей. Но как? Не устроишь же обще заводского опроса! Стараясь выведать имена, беседа с В. Букреевым, заместителем председателя завкома профсоюза, с И. Портнягиным, директором Дворца культуры и техники, с А. Демьяненко, которая заведует заводским кабинетом методики массово-политической работы...

Вот заводской музей. Среди фотографий периода гражданской войны — групповой снимок, от которого глаза трудно отвести. Развернутое знамя, на нем призыв: «Вперед на Врангеля» и

безгласными. Не могу поверить на слово Игорю Петровичу Криворучко, что в Николаеве рабочего фольклора не было. Тем более что на Черноморском заводе (которому и принадлежит Дворец культуры и техники строителей) мне показали рукописи очерков истории завода, и тут нашел я песенку забастовщиков времен первой мировой войны:

Город Николаев,
Французский завод.
Кто тебя построил?
Бунтовой народ...

Эти строки и, может быть, хранимый чей-то памятью напев переносят нас в 1916 год. Забастовка навалевцев стала тогда крупнейшей и упорнейшей на всем промышленном Юге.

Хочется верить: музыковеды из Николаевского отделения Союза композито-

обозначение: это николаевские комсомольцы отправляются на фронт. В ряду безусых бойцов один — совсем мальчишка, эдакий николаевский Гаврош. Ему по возрасту дано дожить до наших дней. Что если поискать его? Спрашиваю заведующую музеем Д. Северинову, не было ли попыток увлечь молодых рабочих, учащихся ПТУ, старшеклассников школ (многие, конечно, приходили в музей) расширфровкой старых фотографий? Не было... А ведь это так важно — не ограничиться получением материалов для экспозиции музея, но и продолжить поисковую работу с этими материалами, пристальнее всмотреться в исторические лица.

Давно уже намечена организация городского юношеского клуба краеведов, и есть школы (из тех, что по некоторым

историческим темам занятия проводят прямо в залах музея), которые могут выставить уже сложившийся актив. Сотрудники областного краеведческого музея и сами молодые, и пополняют фонды по-молодому энергично и предпримчиво (стоило мне, например, связать николаевских музейщиков с членами семьи Ногинных, как они побывали у них в Москве), но отчего-то медлят с осуществлением доброго замысла.

Однако найдут ли красные следопыты и заводские комсомольцы себе старших наставников? Я виделся, по крайней мере, с двумя такими людьми: председателем совета ветеранов комсомола В. Бондаренко (ему уже за семьдесят, но до сих пор избирают его в состав заводского комитета ЛКСМУ) и бывшим военным корреспондентом П. Мушинским. Первый долго искал и все-таки установил, кто был секретарем партийной ячейки на Черноморском заводе после победы Советской власти, выявил и ранних комсомольских вожakov. Второй может многое рассказать о том, как по степям Прибужья и Приднепровья ходили красные полки и кто из бойцов-интернационалистов (прекрасная тема исторического поиска, позволяющая советским юношам и девушкам устанавливать связи со своими сверстниками из стран социалистического содружества!) действовал здесь в те годы...

К числу уже готовых руководителей историко-революционных молодежных клубов или других любительских объединений, способных сложиться на основе именно такого направления интересов, в Николаеве сразу можно отнести уже упомянутого мною Ш. Людковского, директора областного исторического архива, неутомимого лектора, автора книги о пребывании и деятельности Петровского в Николаеве; заведующих отделами краеведческого музея Л. Серебрякову и Т. Волошину, в чьем умении не только показывать экспозицию, но и увлеченно рассказывать о том, где и как найден был участник события, исторический документ или предмет, сам я убедился...

Что поисковая работа молодежи есть нравственно-активная и потому ценнейшая форма усвоения традиций, подтверждено за три с половиной десятилетия той темой поиска, которая обращена к Великой Отечественной войне. Естественно, что по сравнению с минувшей войной годы большевистского подполья, революции и гражданской войны дальше отодвинулись в историю. И все-таки есть большие резервы для воспитательной работы. Ведь сколько документальных источников накоплено!

В областном партийном архиве мне рассказали, что фонд воспоминаний насчитывает почти тысячу дел, из них примерно половина касается революционных лет.

Кое-что я успел полистать. Вот рукопись В. Федорова, участника установления Советской власти, комиссара по военным делам Совета рабочих и военных депутатов города Николаева. Он сейчас в преклонном возрасте, живет в Киеве, молодым кружковцам нелегко было бы решиться его побеспокоить. Но представляя себе: вмиг захватили бы юное воображение написанные им строки, прозвучи они на сборе кружка или с клубной сцены на тематическом вечере:

«Много раз я собирался написать свои воспоминания о бурных и незабывае-

мых днях, проведенных мною в Николаеве... Мне было тогда 23 года. И мне пришлось попасть в такой водоворот событий, подвергнуться таким переживаниям, о которых я никогда не мог даже подумать».

Воспоминания Федорова читаются действительно как роман. Первые дни революции. Захват телеграфа и банка. Разоружение реакционного казачьего полка. Предательское нападение анархистов. Схватка, ранение. Федоров попадает в лапы к тому самому казачьему полковнику, которого разоружал. Приговорен к расстрелу. С пути к месту казни бежит. Вновь действует в кругу верных товарищей, защитников молодой Советской власти...

Хранится в партархиве и магнитофонная лента с записями рассказов первых комсомольцев Николаева. Где-то в заводской фотокинолаборатории или во Дворце культуры лежит (к сожалению, так при мне и не разысканный) фильм об истории предприятия...

И еще многое может быть поднято, увидено, услышано молодыми людьми, ими же заново изучено, с исторической точностью подтверждено.

«Рабочим Николаева — участникам первых маев», — написано на памятнике, установленном в Лесках, бывшей рабочей окраине. Неподдалеку находится средняя школа, которая приводит к присяге своих юных пионеров, в день их принятия во Всесоюзную организацию имени В. И. Ленина, здесь, перед памятником.

Историками найдены дома, где жили, собирали конспиративные совещания Г. И. Петровский и В. П. Ногин. Дома теперь помечены памятными досками.

По городу идешь от монумента к монументу, от эпохи к эпохе. Величавые памятники Владимиру Ильичу Ленину, шестидесяти одному коммунару, десанникам Ольшанского, адмиралу Макарову, героям фронта и подполья 1941—1945 гг., выдающимся большевикам, в их числе Ивану Чигрину...

На Черноморском судостроительном заводе не у проходной, как это обычно бывает, а в самом центре завода раздвинута круглая площадь. Окаймлена камнем и металлом. Из них вырастают три композиции: революция, война, труд. Символика слита с документальностью. Корабли — от парусника до гиганта «Академика Сергея Королева». Люди — от героев революционного подполья до Героев Социалистического Труда.

На этой площади совершают уже укоровившийся обряд посвящения в рабочие.

Не можно сказать, что и город в целом, и все горожане приобщены к славному прошлому. Памятники и памятные доски, росписи и мозаичные панно на зданиях (одно из них, огромное, — на фасаде Дворца культуры и техники) создают в Николаеве ту службу памяти, которая каждодневно пробуждает в человеке представления и чувства личной связи с традициями Коммунистической партии и советского народа.

Триединую формулу традиций революционных, боевых и трудовых ощущаешь и в самом молодом музее города — музее судостроения и флота. Старинное здание, отданное музею, а в нем — диорама, выполненная местным художником В. Семернёвым (и выполненная с блеском!), искусные модели судов, под-

линники редких документов и фотографий — все органично соединено с мощно звучащей революционной темой. Именно рабочие «Наваля» и Адмиралтейства (теперешнего завода имени 61 Коммунара) построили броненосец «Князь Потемкин-Таврический», именно они поддержали всеобщей политической забастовкой рабочих Одессы и воставших матросов-потемкинцев.

Музей я осматривал вместе с первым секретарем горкома партии Э. Шориным и инструктором горкома М. Ворошиловым. Они знали тут каждый экспонат, и сквозь их привычную сдержанность и сосредоточенность прорывалась, я видел, гордость за то, что стараниями заводов, городских организаций создан музей, который смело можно поставить вровень с лучшими музеями страны.

Беседы в горкоме партии показали и подтвердили, что всякая ценная инициатива клубных работников, всех культпросветчиков города находит и всегда найдет поддержку партийных организаций.

Передача молодежи революционных традиций — одна из важнейших задач всего дела коммунистического воспитания. Передача революционных традиций сама есть великая и давняя традиция партии Ленина. Вспомним ленинскую статью-некролог, посвященную Ивану Васильевичу Бабушкину. Когда писалась статья, только что прошла пятая годовщина Декабрьского восстания 1905 года. А мысли Владимира Ильича, в той статье высказанные, сегодня, в год семидесятилетия первой русской революции, звучат поразительно современно, освещая один из важнейших путей пропаганды революционных традиций.

Ленин не только объяснил значение деятельности Бабушкина для всего освободительного движения российского пролетариата, но и раскрыл его прекрасный нравственно-политический облик.

В 1905 году, оказавшись, после отбытия ссылки, в Сибири, Бабушкин «с головой ринулся в работу», но вскоре, при попытке переправить большой транспорт с оружием, Иван Васильевич и его товарищи были настигнуты карательной экспедицией, «и все шестеро, безо всякого суда, были немедленно же расстреляны на краю вырытой на скорую руку общей могилы. Умерли они, как герои».

В. И. Ленин обратился к рабочим с просьбой собирать и присылать воспоминания о революционной борьбе, дополнительные сведения о Бабушкине и других народных героях, сказал о намерении издать брошюру «с жизнеописанием таких рабочих... Такая брошюра будет лучшим чтением для молодых рабочих, которые будут учиться по ней, как надо жить и действовать всякому сознательному рабочему».

Все, что с тех пор собрано и опубликовано, что хранится в музеях, начиная с Музея Революции СССР и кончая музеями заводскими, что показано искусством профессиональным и самодельным, что ныне будет заново собрано, изучено, обсуждено на сборах объединений молодых знатоков истории родного завода, показано любительскими киностудиями, исполнено хорами, драматическими коллективами, — сливается в живую книгу о народных героях революции, страницы которой учат молодых, как надо жить и действовать.

Единство действий:

организация и психология

Г. ГРОЦЕСКУЛ,
первый секретарь
Щекинского
горкома КПСС

Централизация культурно-просветительных учреждений — процесс, в общем, организационный, управленческий. И психологические тонкости тут, вроде бы, ни при чем. У нас все же речь пойдет прежде всего именно о них. Потому что, во-первых, никакая управленческая перестройка немыслима без перестройки психологической. А во-вторых, на нынешнем этапе именно психологическая сторона дела становится, на мой взгляд, чуть ли не первостепенной. Этому вопросу горком партии уделяет самое пристальное внимание.

Около двух лет назад мне довелось рассказать в журнале о том, как осуществляется объединение культурных сил в нашем районе (см. «КХС» № 17, 1978 г.). Уже в то время централизованными клубными системами и культурными комплексами в районе были охвачены все сельские клубы и Дома культуры. (Напомню, что централизованная система объединяет только клубные учреждения. Комплекс, как правило, включает в себя и другие очаги культуры — библиотеки, пар-

ки, музыкальные школы, — общественные организации и т. д.) Повсюду при централизованных клубных системах и культурных комплексах созданы советы по культуре, в которые входят представители трудовых коллективов, хозяйственные и общественные руководители, специалисты, учителя, клубные и библиотечные работники. Во главе советов по культуре стоят, как правило, секретари партийных комитетов хозяйств или председатели сельских Советов народных депутатов.

Сельская культура — забота общая. Этот лозунг, благодаря централизации, воплотился в конкретные организационные формы. Но организационная перестройка сама по себе вовсе не была завершением дела. Напротив, мы рассматривали ее как этап работы по дальнейшему подъему культурной жизни села. Главная задача, которая стояла тогда перед нами, сводилась к нормализации условий деятельности сельских учреждений культуры. Это была наша программа-минимум: используя выгоды новой организации дела, в самые кратчайшие сроки привести культурно-просветительную работу в соответствие с насущными требованиями дня, ликвидировать (в масштабе района) отставание, которое по целому ряду причин накопилось за долгие годы в сфере сельской культуры.

Сегодня мы можем сказать: поставленная задача в основном решена. Повторяю, речь вовсе не идет о каком-то выдающемся достижении или «перевороте» в сфере сельского культурного просвещения. Но речь не идет и о мелочах, о чем-то второстепенном и малозначимом.

Вопросы ремонта, отопления сельских клубов, их более или менее приемлемого оборудования в районе в основном решены. Только в прошлом году отремонтировано 15 сельских клубов (вместо 13 по плану). Без всякого преувеличения можно сказать: за неотложными проблемами улучшения материально-технической базы культурного просвещения мы сумели справиться и добились этого благодаря объединению усилий разных ведомств.

Наш район какими-то особыми возможностями не выделяется. Главная причина тех результатов, которых нам удалось достигнуть, — кооперация средств, сил, стройматериалов, помощь очагам культуры со стороны более крепких, обеспеченных хозяйств. Так, капитальный ремонт крапивинского Дома культуры стал возможен только благодаря тому, что к нему подключились многие предприятия и хозяйства: аграрно-промышленное объединение «Жердевское», совхоз «Крапивинский», обзавод, да еще и предприятия самого Щекина. Ремонт лазаревского Дома культуры выполнялся строителями треста Приокскимстрой, совхозом «Лазаревский». Эти примеры можно продолжить.

Итак, программа-минимум в значительной степени выполнена. Но чтобы двигаться дальше, чтобы решать сложные вопросы, связанные с обогащением содержания, с эффективностью работы сельских учреждений культуры, чтобы использовать ту базу, которая была создана благодаря объединению сил, необходимо постоянное и повседневное следование принципам взаимопомощи и единства действий.

На мой взгляд, централизация сама по себе — не палочка-выручалочка. Она не повышает автоматически ответственность людей. Она — форма, открывшая благоприятные возможности для проявления этой ответственности. Мало создать культурные комплексы и централизованные клубные системы, мало утвердить списки членов совета по культуре, включая в них всех заинтересованных лиц. Чтобы работать по-новому, нужно новое отношение к делу. И мы убеждались в этом на каждом шагу.

Вот, скажем, две централизованные клубные системы — Лукинского и Липовского сельских Советов. Условия работы примерно одинаковые. Правда, в Лукине трудятся в основном молодые культпросветчики, не имеющие достаточного опыта. И тем не менее именно в Лукине видим мы оживление культурной жизни, видим творческий поиск и энтузиазм, а в Липове — ничего похожего. Причины — те же. В Лукине любое ценное начинание находит поддержку со стороны исполкома сельсовета, руководителей совхоза «Щекинский», совета по культуре. Нужна помощь — пожалуйста, обращайтесь, не откажем. И помогают, не отказывают.

А культработники из Липова пока своим коллегам могут только завидовать. Сделали, скажем, в художественной мастерской наглядную агитацию для Дома культуры, и за три месяца сельский Совет не удосужился оплатить работу. Нет материалов для оформления наглядной агитации в черемошинском клубе — выкручивайся, заведующий, как можешь. Находятся скептики, которые, видя все это, вздыхают: вот, мол, и централизация не срабатывает. А мы отвечаем: не срабатывают конкретные люди. Надо работать с ними, убеждать, учить на положительном примере, как использовать новые возможности, преодолевать ведомственные барьеры. К такому выводу подводит нас анализ деятельности всех 8 культурных комплексов и 12 централизованных клубных систем, созданных в районе.

Успех централизации непосредственно зависит от энергии и инициативы партийных комитетов, от их внимания к нуждам культурного просвещения, от их понимания сущности сегодняшнего этапа управленческой перестройки. Горком КПСС добивается, чтобы эти вопросы были постоянно в поле зрения партийных организаций. Мы выносим проблемы централизации на обсуж-

дение партийных активистов, пленумов горкома партии. Ныне ситуация, аналогичная той, что имела место в Липове, уходит в прошлое.

Известно, главная фигура в культпросвете — сам клубный практик. Централизация повышает требования к нашим кадрам, требует психологической перестройки и от них самих, и от тех, кто отвечает за создание условий для их деятельности.

В нашем районе сейчас трудится более 300 работников культуры, из них 170 — в сельских культпросветучреждениях. За последние два года много сделано для улучшения качественного состава кадров и их закрепления. Сегодня в наших учреждениях культуры нет ни одного вакантного места; почти половина культпросветчиков района имеют высшее или среднее специальное образование. Выполняя постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению культурного обслуживания сельского населения», значительно больше внимания стали уделять работникам культуры партийные комитеты, исполкомы местных Советов, руководители предприятий, колхозов и совхозов. За добросовестную работу ряд сотрудников Домов культуры и клубов получают из средств хозяйств прибавку к основной заработной плате.

Централизация создает дополнительные творческие и психологические стимулы для привлечения и закрепления кадров. Вот один лишь пример. Прошлой осенью проходила практику в жердевском культурном комплексе два дипломника Тульского культпросветучилища — Алексей Сграбиров и Андрей Ешенков. В Жердево и распределились ребята, окончив училище. Одного назначили заведующим в каменский, другого — в лапинский сельский клуб (оба клуба входят в состав жердевского комплекса). С чем столкнулись бы молодые специалисты, попади они к нам несколько лет назад, до того, как был создан комплекс? Им пришлось бы жить в маленьких деревеньках, замкнувшись на своих клубах, где, кроме заведующего, нет ни одного штатного работника. Конечно, для молодых людей, к тому же горожан, это не очень радужная перспектива.

А как теперь? Ребята, которые дружны со студенческой скамьи, поселили не в маленьких селах, а на центральной усадьбе. Жердево — большое, растущее, современное село. Для них хозяйство выделило комнату в доме колхозных специалистов, обставило ее мебелью. Три дня в неделю их трудовая жизнь протекает в головном Доме культуры под руководством его директора Николая Николаевича Кулешова. Участие в делах большого Дома культуры, конечно же, полезно начинающим клубникам. А в остальные дни молодые культпросветчики работают уже самостоятельно: в пятницу машина (у комплекса есть свой транспорт) отвозит ребят в их клубы, в Каменку и Лапинку (там тоже договорились о жилье и питании для них). Главное — выигрывает клубная работа в этих селах. Во-первых, ее ведут образованные специалисты, которых прежде едва ли удалось бы удержать; во-вторых, они действуют не в одиночку, а при поддержке всех культурных сил комплекса. Все лучшее, чем располагает головной Дом культуры, — к услугам жителей Каменки и Лапинки. Концерты и вечера, которые на центральной усадьбе могли состояться один раз, повторяются, как правило, во всех клубах-филиалах. Совместная работа дает таким образом значительно более высокую отдачу, да и самим культработникам приносит куда большее удовлетворение.

Я неспроста так подробно остановился на этом примере. Он показывает, как можно и нужно относиться к кадрам в условиях централизации, чтобы закрепить их на селе. Хорошие бытовые условия, уважение, творческая атмосфера, плодотворность работы, когда видишь, что твои усилия не пропадают зря, — это тот минимум, без которого человека сегодня не удержишь. Казалось бы, для нашего района проблема не актуальна — я уже говорил, что все вакансии в наших культпросветучреждениях заполнены. Но текучесть кадров все еще достаточно велика. Многие выпускники Тульского культпросветучилища в районе не задерживаются. Только за последние два года уволились из житовского Дома культуры два, из крапивинского — три специалиста. Причины самые разные: не предоставили жилье, не проявили внимания и уважения, не поддержали инициативу, не создали благоприятную творческую атмосферу, которая столь важна для молодых работников. Наконец, не очень охотно пока руководители хозяйств направляют на учебу в Тульское культпросветучилище колхозных и совхозных стипендиатов. Сейчас от всего района учатся лишь два человека, да и они из тех хозяйств, где проблема кадров в общем-то решена.

Но если непосредственные поводы ухода разные, то первопричина их, думается, общая — психологическая инерция, неспособность (или нежелание) перестроиться, пересмотреть

отношение к культуре в соответствии с современными требованиями. И это касается не только представителей местных органов власти, руководителей хозяйства и общественных организаций. Это касается и самих клубных работников, прежде всего руководителей головных Домов культуры.

Почему успешно работают яснополянский или жердевский комплексы? Потому что во главе их стоят инициативные, ищущие, творческие специалисты.

Психологическая перестройка культработников и тех, кто помогает им в работе, — это не разные вещи, это — звенья одной цепи, две стороны одной медали. Хозяйственный руководитель, отказывая культпросветчику в помощи и поддержке, развивая в нем равнодушие и пассивность. Инертный, нетворческий, неавторитетный клубный работник создает у хозяйственника представление о ненужности, второстепенности своей деятельности и своей профессии. Появление централизованных клубных систем и культурных комплексов создает предпосылки для того, чтобы разорвать этот порочный круг.

Как видим, вопросы улучшения организации, материальной базы и качества культпросветработы едины и успешно решаются только комплексно. Это, впрочем, хорошо известная истина. Понятно также, что именно совершенствование качества, содержания деятельности клубов составляет конечную цель и главные критерии успеха организационной перестройки. Обычно первостепенное внимание обращают на то, что в единых коллективах централизованных клубных систем и культурных комплексов создаются хорошие возможности для роста мастерства, квалификации кадров, совершенствования методического руководства, наконец, для расширения аудитории клубных мероприятий за счет их многократного повторения. Такого рода примерами богат и наш район (некоторые из них я привел). Однако при этом хотелось бы подчеркнуть вот что. Задача объединения сил — не только в том, чтобы улучшить культурное обслуживание населения, но прежде всего, в развитии общественной инициативы и самостоятельности, росте культурной активности сельских тружеников. Ведь наш идеал — культура самих народных масс, самих трудящихся, творимая их руками. Возможности, которые открывает для решения этой задачи процесс централизации сельских культпросветучреждений, и составляют главное его достоинство. Здесь, думается, трудно переоценить роль советов по культуре. Опыт работы лучших наших комплексов и централизованных систем показывает: сильный, дееспособный совет по культуре может заставить считаться с собой местных руководителей любого ранга и решающим образом повлиять на культурную атмосферу села.

В идеале такой совет должен стать основой, ядром сельской культурной среды, должен объединить не только руководителей, но и рядовых специалистов, интеллигенцию, молодежь, должен чутко реагировать на запросы жителей, аккумулировать общественное мнение. Совет призван не просто улаживать «межведомственные» трения. Он призван стать подлинным представителем сельской общественности, ее рупором, ее трибуной. Именно там, где советы по культуре действительно стали формой демократизации культурной жизни, где разработка клубных планов перестала быть «цеховой» монополией клубных работников, родились интересные жанры клубных вечеров, такие, например, как «Репортаж с доски Почета», «Деревенька моя» (проблемные диспуты о судьбах «неперспективных» сел), конференции педагогов и родителей по книгам Сухомлинского, праздники урожая, первой борода, русской березки, творчески развивающие местные фольклорные традиции.

Но дело не только в обогащении планов или расширении жанров клубной работы. Разговор на такие важнейшие для клуба темы, как задачи трудового коллектива в новой пятилетке, перспективы развития родного села, вопросы морали и дисциплины, воспитания подрастающего поколения, волнующие сельских тружеников, можно успешно вести только при их собственном активном участии. К сожалению, на практике этому правилу следуют далеко не все клубные работники. Более того, иногда приходится слышать, что, скажем, к механическому «тиражированию» мероприятий, разработанных и рекомендованных головным Домом культуры, ведет, мол, сам процесс централизации культпросветучреждений.

Да, в практике такое встречается. Но это беда не организационного принципа, а все той же психологической инерции, которая укоренилась задолго до создания комплексов и централизованных систем. Это — результат того профессионального иждивенчества, когда клубный работник лишь в том случае способен провести какое-то мероприятие, если ему «спустили сверху» методическую шпаргалку или готовый сценарий.

Централизация может и должна способствовать преодолению привычки к стереотипно-шаблонной деятельности. Для этого надо уметь не замыкаться в узко клубном кругу, уметь привлекать для выработки идей широкую общественность.

Опыт нашего района свидетельствует: это наиболее плодотворный путь. Никто, думаю, не заподозрит меня в том, что я покушаюсь на профессиональное достоинство клубного работника, — зачем, мол, тогда его учили, к чему его специальные знания, если не для того, чтобы самому вырабатывать идеи? Во-первых, если хотите, профессионализм клубного организатора как раз в том, чтобы уметь прислушиваться к голосу людей, уметь именно в них пробудить стремление к творчеству и инициативу. А во-вторых, разработка и организационное воплощение идеи всегда останутся за специалистом.

Что централизация способствует росту количественных показателей культурного обслуживания, известно давно. В нашем районе, к примеру, за последний год более чем на 7 тысяч возросло число слушателей лекций и докладов, почти на 20 тысяч — участников тематических вечеров, на 24 тысячи — зрителей концертов, на 500 человек — участников кружков художественной самодеятельности. Я говорю не о перечне мероприятий в клубе, а о росте клубной аудитории. А это как раз то количество, которое является показателем роста качества. Трудно же, в самом деле, представить себе, что люди будут чаще ходить в клуб, если его работа не улучшается.

А за счет чего осуществляется этот одновременный рост качества и количества? Приведу еще один пример. Два года назад в сельских клубах района было только три университета культуры. Сейчас их двадцать. К проведению занятий привлекаются самые разные специалисты — врачи, учителя, преподаватели музыкальных школ, руководители хозяйств. Объединение сил сельской интеллигенции повлекло за собой оживление деятельности культпросветучреждений. Но и это еще не все. Авторитет и возможности централизованной клубной системы или культурного комплекса по сравнению с отдельным клубом значительно повышаются. Появилась возможность напрямую связываться с крупными творческими центрами — такими, как яснополянский Музеем-усадьбой Л. Н. Толстого, городским краеведческим музеем, областным хоровым обществом (располагающим уникальной фонотекой и библиотекой), областным художественным музеем. В частности, если говорить о художественном музее, то у культурных комплексов есть с ним договоренность об организации на местах художественных выставок из музейных фондов с чтением лекций. Передвижные выставки подготовлены и Музеем-усадьбой Л. Н. Толстого, и краеведческим музеем. Экспозиция «Л. Н. Толстой и его современники» недавно побывала в шести самых отдаленных клубных учреждениях района.

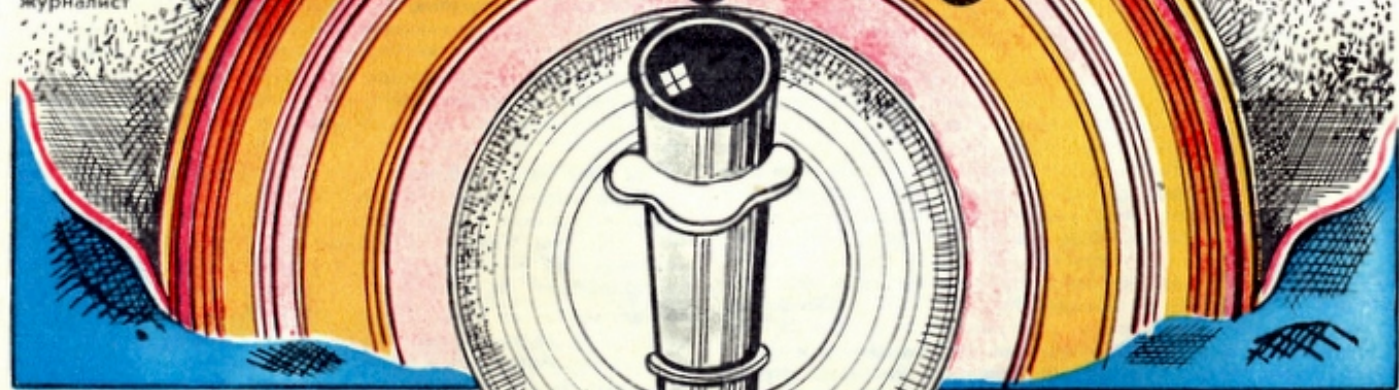
Меньше всего мне хотелось бы вторгаться здесь в сугубо специальные сферы деятельности культпросветчика. Свою задачу я видел в другом: на примере нашего района показать некоторые из тех проблем, которые выдвинуты жизнью в связи с объединением очагов культуры, и напомнить, что при умелой постановке дела оно ведет не к стандартизации и унификации, а к развитию творчества и самостоятельности каждого культработника, повышению культурной активности масс.

Хочу еще раз повторить в заключение: возможности, открытые централизацией, значительны. Но автоматически эти возможности реализованы не будут. Эффект пропорционален усилиям тех, кто прямо или косвенно причастен к сельской культуре. В новых условиях требуется и новое отношение к делу. В том, чтобы всячески изживать психологию ведомственности, иждивенчества, воспитывать кадры в духе высокой ответственности за дальнейший подъем сельской культуры, городской комитет партии видит одну из важных своих задач, решение которой теснейшим образом связано и с развитием сельскохозяйственного производства, и с общей перестройкой условий жизни и труда сельских тружеников.

Тулльская область

Зачем смотреть на Луну?

Л. ШИРКО,
журналист

Небольшой самодельный телескоп, перевязанный для прочности бечевкой, вид имел самый домашний. Так и тянуло взять его в руки и заглянуть в манящие дали. Мальчишка, хотя и смутился поначалу, но явно обрадовался, что появился еще один человек, которому захотелось посмотреть на Луну, и доверчиво протянул мне телескоп. Правда, стоял ясный солнечный день и с Луной пришлось подождать, зато мы рассмотрели все, что только попало на глаза: дальние хаты, колхозные постройки и небольшие пригорки. Но одиннадцатилетний Саша сказал, что это, конечно, не то и самое интересное — смотреть на Луну. Все его друзья-приятели прибегают вечерами взглянуть на звездное небо. Взрослые тоже заходят, но они почему-то стесняются и непременно прибавят что-нибудь, вроде: «Ну-ка, чего там видать через эту штуковину?» И смотрят долго и сосредоточенно.

Деревня, в которой живет Саша Бондарьков, называется Заболотье. Трудно отыскать другое название, столь типичное для старой белорусской деревни. За болотами — значит, большую часть года селение отрезано от всего света. И еще каких-нибудь полвека назад здешние крестьяне с большим сомнением спрашивали: «А за Гомелем люди есть?» Появление радио стало настолько значительным событием в жизни «людей на болоте», что один из первых колхозов на Рогачевщине по единогласному решению схода так и назвали: «Радио».

Приметы сегодняшнего Заболотья — центральной усадьбы колхоза имени М. Калинина — не радио и даже не телевизионные антенны. Чуть не в каждом доме — мотоциклы или мотороллеры. Во многих дворах стоят «Москвичи», «Жигули», даже «Волги». Строятся дома с городскими удобствами. Люди живут не

просто хорошо, но зажиточно. И все-таки не материальное благополучие представляется мне самой характерной приметой нынешнего Заболотья, а обыкновенный мальчишка с самодельным телескопом, как бы олицетворяющий новые духовные запросы сельских жителей. Нисколько не умаляя значения достатка материального, мне хотелось бы поговорить о достатке духовном. Потому что, удовлетворив насущные жизненные потребности, люди обычно получают больше возможностей найти применение духовным запросам.

Носителем духовности на селе издавна считался учитель, который передавал новому поколению все лучшее, что накопило человечество. Сегодня сельская интеллигенция — не только учителя. Это агрономы, инженеры, механики, культработники, врачи. Около ста специальностей нужно современному селу. Сельские интеллигенты, и в первую очередь учителя, культработники, помогают сделать культурную жизнь деревни содержательной, насыщенной. Дело здесь не только в том, чтобы участвовать в самодеятельности, заниматься просветительством. Главное — определенный образ жизни, который не дает интеллигенту превратиться в самодовольного обывателя. Главное — как относится он к делу, которому служит, что несет односельчанам.

И когда сельский интеллигент не замыкается в рамках своих профессиональных интересов, когда ему до всего есть дело — общение с ним воспитывает не меньше запланированных клубных мероприятий.

Когда я просила назвать людей, без которых культурная жизнь Заболотья много бы потеряла, стала тусклее, в ответ чаще других слышала фамилии: Бон-

дарьковы, Дедовец, Пивнева. На них равняются, с них берут пример, на их мнение ссылаются. Но довелось столкнуться и с точкой зрения одного скептика: никакие, мол, они не маяки, а просто-напросто чудаки, которые и сами не хотят спокойно жить и другим не дают.

Так что же это за люди? Какие заботы их волнуют?

С сыном Бондарьковых — Сашей мы уже познакомились у телескопа. Наталья Лаврентьевна Бондарькова преподает в Заболотской школе математику, Василий Леонтьевич — историю, к тому же он и завуч. Досуг у сельских интеллигентов невелик, да и подсобное хозяйство требует много сил. Но по вечерам из дома Бондарьковых часто доносится музыка. Без них и ни один концерт в Доме культуры не обходится: Наталья Лаврентьевна поет, сыновья Дима с Сашей за мамой танцуют — поют и танцуют, Василий Леонтьевич на баяне играет.

Все, что делают Бондарьковы, дается им легко и как-то радостно, по крайней мере, так кажется, когда слушаешь их. Но самостоятельностью вроде бы не удивишь — кто петь-плясать не любит? Испокон веку повелось, что учитель должен тут пример односельчанам показывать. А у Бондарьковых и других увлечений немало: прочли как-то в журнале «Семья и школа», что совсем несложно самим сделать небольшой телескоп — начали всей семьей мастерить. Тот самый телескоп, с которым теперь не расстается Саша, мечтающий стать астрономом. Старались не только для себя, приглашали всех желающих помогать, а потом, разумеется, и смотреть на звездное небо.

Как-то привезли в сельский магазин картинки — инкрустация из соломы по дереву. И стали по вечерам Бондарьковы всем семейством заниматься «соломенным ремеслом», да так весело, что все, кто заглядывал к ним, начинали интересоваться секретами «технологии»... Любят односельчане посидеть у Бондарьковых, поговорить о жизни. Иной специально заглянет полюбопытствовать, чем они сейчас увлечены. Разнообразие увлечений Бондарьковых идет от желания постоянно заниматься чем-то новым для них, неосвоенным. А такое желание может родиться только в натурах духовно богатых.

Друзья Бондарьковых им под стать. Преподаватель русской литературы Валентина Федоровна Пивнева поет вместе с Натальей Лаврентьевной в Доме культуры. А в школе они руководят агитбригадой, да еще Валентина Федоровна умудряется и драматический кружок вести, и вязанию учит девочек, и «Умелые руки» для младших ребят тоже по собственному желанию открыла.

Такая же полнокровная жизнь у учителя физики Александра Алексеевича Дедовца: и в самодеятельных спектаклях он играет, и в хоре поет, и кружок кинофотодела организовал. А сколько интересных бесед проводит он в Доме культуры, в бригадах. Откуда берутся силы, энергия у этого немолодого уже человека? «У меня вторая жизнь», — улыбается он.

В годы войны Александр Дедовец был моложе многих своих нынешних учеников. Ему исполнилось всего четырнадцать, когда за связь с партизанами его вместе с двумя старшими товарищами повели на расстрел. Друзья погибли, он чудом остался жив, добрался к своим и больше двух лет партизанил...

Золотая свадьба в Заболотье

По-разному сказываются тяжкие испытания на людских судьбах. Бывает, что в решающий миг человек выдюжит, но что-то надломится в нем. А случается, именно благодаря жестокой судьбе, точнее, вопреки ей проносятся человек через все последующие годы удивительный оптимизм, неодолимое желание сделать все, что можешь, и немного больше. Таков Александр Алексеевич Дедовец — деятельный, увлеченный, неутомимый.

В доме Александра Алексеевича — книги и журналы не только на русском и белорусском, но и на польском языках; а недавно появились чешские словари и учебники. Языки открывают ему, уроженцу Заболотья и постоянному здешнему жителю, широкий мир, дают новые знания, которыми он щедро делится с земляками.

Быть лектором-общественником — значит уметь ответить на множество вопросов, знать последние новости политической, общественной, культурной жизни. Не случайно, наверное, на лекции Дедовца никого не надо зазывать. Приходят охотно, так как верят, что услышат новое, волнующее. Ну, а если прибавить к этому, что рассказывает Александр Алексеевич ярко, любит меткое народное слово, что день его до отказа заполнен делами, общением с людьми, станет понятным его влияние на духовную жизнь села.

Словом, не зря уважают на селе Дедовца, Бондарьковых. Вольно или невольно они влияют не только на своих учеников, но и на всех, с кем живут рядом, воспитывая их и словом и собственным образом жизни. Еще не так давно находились люди, которые утверждали, что духовный мир материально обеспеченного человека будет развиваться сам собой. Но жизнь показала, что это не так. Само собой ничего не происходит. Духовность — это прежде всего труд. Большой и постоянный труд души, а к нему-то не все готовы. Вот и встревожены учителя, что не всегда еще заметны духовные перемены и не всегда, к сожалению, прямо пропорциональны они росту материального достатка.

Говорят, чтобы понять жизненную позицию человека, надо спросить, что его больше всего волнует. Этот вопрос я и задала заболотским учителям.

— Ребята растут начитанные, самостоятельные, да и от работы не бегают. И все же в иных вот что тревожит, — делится наболевшим Наталья Лаврентьевна. — Умеют доклад подготовить об истории комсомола, толково рассказать о преобразовании родного села, поспорить о событиях в мире и песню хорошую спеть. Но как только заходит разговор об их собственной судьбе, планах на будущее — большинство становится в тупик или отмахивается по-детски: «Куда Вова, туда и я». Но бывает и хуже: «Мама хочет, чтоб я в городе устроился. Ну, а сам-то ты чего хочешь? — спрашиваю. — Не знаю, отвечает, там видно будет. Вот эта позиция, а вернее, полное ее отсутствие меня пугает. Об этом стараемся говорить с ребятами и в школе, и в клубе, и когда они приходят ко мне домой. Жаль только, что родители не всегда разделяют нашу тревогу. Рано, дескать, планами голову забивать (это в пятнадцать-то, шестнадцать лет!), нафантазируют бог весть что, а потом только мучиться будут, если планы не исполнятся. Да и что волноваться: прокормить ребенка всегда сможем. Мы за свой век горя натерпелись, пусть хоть дети поживут!

С тревожных размышлений начал разговор и Александр Алексеевич Дедовец:

— Беспокоит меня такое негласное соревнование между родителями: твой сын в Рогачеве устроился, а мой — в Гомеле. Твоя дочь-то в Гомеле, а моя — в Минске. Престижным считается отправить детей в город, а вот как они там будут жить, чем заниматься — дело второе. Из принципа — «чтоб не хуже, чем у людей» — некоторые родители готовы приобрести для ребенка все, что только можно купить: модную одежду, мотоцикл, магнитофон. Достаток, к которому пришли мои земляки, дался им нелегко.

Дети же получают его от рождения. Это хорошо, но и опасно: сумеют ли они приобрести духовное богатство, которое зависит прежде всего от собственных усилий? Даже так — захотят ли его приобрести? Ведь потребительский взгляд не только на быт, но и на культуру нередко преобладает у молодых. Довелось мне как-то услышать слова одного

хлопца: «Перечислите мне, что входит в эту самую культуру, я приобрету духовный достаток и буду жить спокойно». Но духовность и спокойствие — понятия взаимоисключаемые. Думаю, самое важное для учителя, культпросветчика — разбудить в человеке, особенно молодом, беспокойство, чтобы он постоянно думал: что же дальше? Во имя чего я учусь? Работаю? Чем могу быть полезен людям?

Именно в этом видит свою задачу и Дмитрий Владимирович Столяров из лесной деревеньки Каменки, что километрах в сорока от Заболотья. И всего-то в ней полторы сотни жителей, в каждом доме дедка да бабушка, в начальной школе семь учеников — одним словом, неперспективная деревня. Добираться от нее до районного центра нелегко: слишком уж плохи и ненадежны дороги.

Встретились мы с Дмитрием Владимировичем в Рогачеве. Он боялся, что я застряну в пути (накануне прошли дожди), и приехал сам.

— Да, — вздохнул он, когда речь зашла о Каменке, — уходят люди из деревни. Раньше хаты стояли друг к другу, как ровненько, а теперь Каменка, как рот щербатый: зуб есть, зуба нет.

Заслуженный работник культуры БССР, он, хоть и на пенсии, по-прежнему заведует сельским клубом. Не раз предлагали перебраться в районный центр, квартиру со всеми удобствами, как фронтовику, обещали, но Столяров отказывался. Не может он бросить деревню, где родился, людей, с которыми рос и жил.

— И в войну, и в мирное время довелось побывать во многих местах, — убежденно говорит Столяров, — не встречал. — Как вспомню запах леса после дождя, скрип ножики боровика, когда его срезаешь ранним утром, — ничего милее представить не могу. А главное — как я оставлю клуб, с которым связана, считай, вся жизнь?

Каменка лишь одна из деревень совхоза-миллионера «1 Мая». Люди живут богато, и телевизоры в каждом доме есть, но все равно тянет их по вечерам в клуб. В шашки, бильярд, домино поиграют, последние новости обсудят, свежие газеты прочитают. Вроде ничего особенного, но как это нужно — такое вот непринужденное общение. В клубе места хватает, даже когда все до единого жителя собираются здесь, чтобы отпраздновать какое-то важное событие.

Не забывают маленькую Каменку работники совхозного Дома культуры на центральной усадьбе и рогачевского РДК — приезжают с лекциями и концертами. Но, думаю, больше всего влияет на духовную жизнь села сам Дмитрий Владимирович. Большую часть свободного времени проводит он в мастерской: режет деревянные скульптуры. Его работы побывали на многих республиканских и всесоюзных выставках, даже за рубежом. А скульптурный портрет Фиделя Кастро отправился на Кубу. И однажды в безвестную Каменку из далекой Гаваны пришло письмо: «Камрад Столяров! Я получил Вашу чудесную скульптуру, сделанную из дерева, которая всех нас взволновала. Безмерно благодарны Вам. Шлю самый братский привет. Фидель Кастро Рус».

Неиссякаема в работах народного мастера память о войне. «Фронтовой треугольник», «По дорогам войны», «Ты теперь далеко», «Соловьи, соловьи...» — эти и десятки других работ Столярова

мне удалось посмотреть на его персональной выставке, что проходила в Гомеле и посвящалась 30-летию творческой деятельности деревенского скульптора. Сколько теплых благодарственных слов в книге отзывов, сколько пожеланий... Но самые первые и взыскательные зрители — односельчане.

Идут годы, а Дмитрий Владимирович все такой же неуемный.

«Отдохнул бы», — частенько советуют ему земляки. А он еще и аэросани смастерил, чтобы покатасть ребятшек, и машину из двух старых мотоциклов соорудил. Полон Столяров замыслами и идеями, не умеет он жить спокойно. С ним интересно поговорить о последних полотнах народного художника БССР Михаила Савицкого, и о новой повести Василия Быкова. Его волнует проблема сохранения Байкала и судьба маленькой лесной речушки близ его родного села, которую дорожные строители захлывали. И он не жалеет времени и сил, едет в район, а если надо, и в область, чтобы защитить красоту природы, сохранить ее для людей.

Депутат местного Совета, заведующий сельским клубом, народный умулец, Дмитрий Владимирович незаметно вводит своих односельчан в мир увлечений, одухотворенной деятельности, в жизнь насыщенную и беспокойную. Ничто не проходит мимо его сердца.

— Вот какой случай меня поразил, заставил задуматься, — говорит Столяров. — На выходные к нам много молодежи приезжает — одеты уже по-городскому. Встречаются все в клубе. Забегает как-то хлопец. Дядя Дмитрий, спрашивает, можно воды попить? Пей, отвечаю, на здоровье. Он снял крышку с ведра и разочарованно протянул: «А-а, пусто...» И уходит. «Юрка», — предлагаю я ему, — ты бы сходил за водой к колодезю — и себе бы принес, и людям». Он так на меня посмотрел, словно услышал что-то немыслимое. А ведь забота о других, естественная потребность без лишнего слов сделать что-то доброе — тоже проявление культуры. Иной объясняет, что в город он уехал именно для того, чтобы «поднабраться там культуры». После этой истории мы с молодыми много говорили и спорили о том, что такое культура. Можно ли, не выезжая из деревни, быть широко образованным и культурным человеком? Есть ли для этого возможности? Ведь часто у молодых складывается представление о городе как о вечном «праздничном», нескупной жизни, где, не прилагая особых усилий собственной души, сразу станешь культурным человеком. Слова «городской» и «культурный» до сих пор воспринимаются многими как синонимы.

— А вы никогда не пожалели, что всю жизнь провели в деревне? — не удержалась я.

— Ну что ж, — улыбнулся Столяров, — отвечу на ваш вопрос. Один мой юный земляк в начале века обратился к Льву Николаевичу Толстому, жалуюсь на невозможность применить свои таланты в нашей глухомани. Знаете, что ответил Толстой «страдалице» из Рогачева? (Дмитрий Владимирович достал из портфеля книгу.) «Причина ваших страданий в вашем беспредельном ничем не оправданном самомнении... если хотите избавиться от испытываемых вами страданий, постарайтесь избавиться от той мании самомнения, в котором находитесь... Всякая дробь получает тем большее значение, чем меньше знаменатель...

Точно то же бывает и с людьми. Постарайтесь как можно больше уменьшить ваш знаменатель, и чем больше вы достигнете этого, тем радостнее будет ваша жизнь для вас самих и тем нужнее людям».

...Как много общего у моих новых знакомых — Бондарьковых, Пивневой, Дедовца, Столярова. Как верно понимают эти сельские интеллигенты свою роль в жизни села. Живут они, «как все», но ярче, веселее и интереснее других. Поэтому-то на них смотрят, с них берут пример. И воплощают их заботы в конкретные дела. В ближайшее время при заболотском Доме культуры откроется музей истории колхоза имени М. Калинина. Удивительные материалы собрали школьники и молодежь, а инициатором был Александр Алексеевич Дедовец.

Прошел в Доме культуры разговор «Что дал мне город». Подсказан он был тоже учителями. Участвовали в нем сельские парни и девушки, всего год-другой как ставшие горожанами. И оказалось, у каждого было свое представление о городском образе жизни, часто далекое от действительности, с которой они столкнулись.

К сожалению, нравственные посевы сельской интеллигенции часто отдалены по времени от урожая и не так быстро созревают, как хотелось бы. И все же она уверена: непонятное ныне станет понятным завтра, сегодняшние «чужаки» вроде Сашкиного телескопа завтра будут казаться обыденностью. Хотя всегда, наверное, найдется скептик, который спросит: «Зачем смотреть на Луну?»

Но вот о чем стоит подумать. Жить в Заболотье можно интересно и многогранно. Есть здесь Дом культуры, стадион, спортивный зал, а главное — яркие личности, увлеченные люди. Почему же иные любой ценой стараются уехать из деревни? Лишь бы в город, который для большинства все еще остается синонимом культурной жизни. И сельские жители менее всего готовы признать, что деревня тоже может стать культурным центром, да еще не какая-то чужая, а их собственная...

Как часто, составляя план работы, заведующий сельским клубом думает, чем бы привлечь земляков. И старается побольше приглашать интересных людей из района, области. Конечно, это нужно, но, думается, главная задача клубников — воспользоваться тем богатством, которое у них под боком, — людьми беспокойными, ищущими, живущими полнокровно и ярко.

Художественный руководитель заболотского Дома культуры Алла Сташенко, всего год как приехавшая сюда после культпросветучилища, первыми помощниками назвала людей, о которых я рассказывала. И как знать, может, когда-нибудь будут съезжаться горожане из Рогачева, Бобруйска и других городов в небольшое Заболотье, ну, скажем, затем, чтобы посмотреть маленькую сельскую обсерваторию. Или музей. Почему бы и нет?

Почему бы, в самом деле, не помечтать и о том, чтобы на родине Столярова, в его родной Каменке открылся музей деревенной скульптуры. Пусть приезжают сюда горожане и пусть удивляются, какими талантливыми людьми богаты наши села.

Рогачевский район,
Гомельская область БССР

ЭФФЕКТ НАГЛЯДНОЙ ПРОПАГАНДЫ

Более активно использовать средства наглядной агитации, соблюдая при этом меру и проявляя художественный вкус.

Из постановления ЦК КПСС „О дальнейшем улучшении идеологической, политической - воспитательной работы“

В этом номере мы открываем новую рубрику «Семинар». В ней будет рассмотрен ряд проблем, стоящих перед работниками культуры на нынешнем этапе духовного развития советского общества. Материалы рубрики предназначены для того, чтобы оказать научно-методическую и практическую помощь культпросветработникам.

Для ближайших публикаций намечены следующие темы: текущее и перспективное планирование работы клуба, роль художественной самодеятельности в формировании социальной активности человека, проблемы профессии культпросветчика и модель его деятельности. Практики клубного дела расскажут о передовом опыте, специалисты по научной организации труда рассмотрят конкретные вопросы повседневной деятельности клуба, ученые-клубоведы помогут клубным работникам быть на уровне современных требований, связанных с возросшим образовательным и культурно-техническим уровнем современного человека.

Мы надеемся, что читатели выскажут предложения по темам, освещение которых им представляется наиболее необходимым для клубной практики.

Первый выпуск нашего «Семинара» открывает беседа специального корреспондента А. Ляшенко с психологом, научным сотрудником научно-исследовательского центра Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ В. Трипольским о проблемах повышения эффективности наглядной агитации — одного из наиболее действенных средств коммунистического воспитания.

— Социологи выяснили, что 80 процентов информации, которую получает человек «века информационного взрыва», воспринимается им зрительно. Это явное свидетельство того, что наглядно-образный характер подачи материала — эффективнейшее средство влияния на человека. Как велика «доля участия» наглядной агитации в этом процессе!

— Не так просто выразить в конкретных процентах степень влияния наглядной агитации, скажем, на формирование нравственных качеств или повышение производительности труда. Скажу лишь, что она была и по-прежнему остается великой силой воздействия на человека. Средства наглядной агитации — плакаты, лозунги, транспаранты, рекламные щиты, панно, проспекты, каталоги, листовки — наряду с другими средствами массовой коммуникации, вступая в «живые контакты» с человеком в привычной для него среде — там, где он работает, учится, отдыхает, — стали неотъемлемым элементом повседневной жизни советского человека. Наглядная пропаганда ничуть не уступает по силе своего воздействия прессе, кино, радио, телевидению. Если, конечно, при этом не нарушать ряда условий ее существования. Есть такое понятие: коммуникабельные признаки информации. Оно означает, что передача информации и восприятие ее предполагают единую систему символов и понятий. То есть и коммуникатор (тот, кто передает информацию) и реципиент (тот, кто ее принимает) поймут друг друга, если будут говорить на одном языке, мыслить теми же понятиями, категориями. И эти понятия будут вызывать у них те же чувства и эмоции.

Всегда ли мы соблюдаем это условие, от которого во многом зависит действенность зримой пропаганды? Далеко не всегда. Нередко исполнители наглядной агитации действуют, исходя лишь из собственных рабочих установок: нужно отразить средствами графической пропаганды определенную тему, это и выполняется. Однако можно сказать: «Соблюдайте технику безопасности труда!»

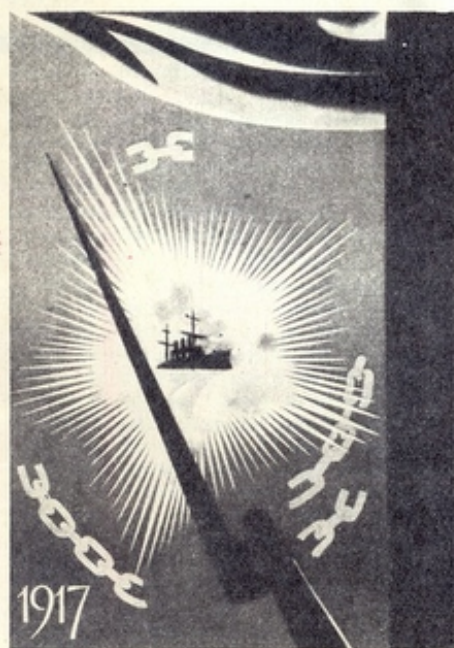
А можно — как это сделали на Воронежском заводе тяжелых прессов — «Папы и мамы! Будьте на работе осторожнее, ждем вас дома здоровыми!» Содержание плакатов одно, однако насколько разительно отличается их эффект воздействия. Возле первого остановится далеко не каждый, второй же устанавливает мгновенный контакт, ибо его «манера общения» близка и понятна.

Надо сказать, что разговор в повелительном наклонении не всегда состоялся. Гораздо эффективнее действуют совет, юмор, добрые пожелания, доверительная интонация — все многообразные оттенки современного стиля человеческого общения. «При проведении социологических исследований в Ростове и Таганроге большинство рабочих и служащих указывали, — пишет в своей книге «Партийное руководство наглядной агитацией» секретарь Ростовского обкома КПСС М. Е. Тесля, — что они не могут пройти мимо листовок и плакатов, исполненных с юмором, мягкой иронией. Они прекрасно воспринимаются».

Надо подумать, учитывая время существования наглядной агитации (а ее исполнение неодинаково, скажем, для 20-х и 80-х годов), о языке агитационных ма-

териалов, который пока что весьма отличается от повседневного языка. Вообще, стиль общения меняется каждые пять-восемь лет, и мы должны учитывать его особенности, соотнося зримую пропаганду с изменяющимися условиями общественной жизни, модернизируя формы и средства.

Насколько осязаем нравственный эффект наглядной агитации, когда она выходит непосредственно на человека, используя язык межличностного общения, показывает хотя бы такой пример. На одном из московских заводов пытались перевоспитать молодого рабочего, отличного мастера, нередко, однако, нарушающего трудовой режим неумеренным употреблением алкоголя. Его и на собраниях «прорабатывали» за это, и в стенгазетах «клеямили», и в оператив-

ных «молниях», взывая к совести, стыдили: «Позор Василию Иванову!» И даже грозили: «Пьянице не место в коллективе!». А самое сильное впечатление произвел, представьте, такой вот плакат, сработанный местным художником и журналистом заводской газеты: «Вася Иванов! Хороший ты парень, руки у тебя золотые, но почему же ты пьешь?» Вася пришел в комитет комсомола и попросил снять плакат: подействовало.

А ход-то элементарный — агитация всего лишь «спустилась» на уровень межличностного общения и смогла сделать то, перед чем оказались бессильны общие наказания. Надо сказать, что этим приемом — прямой обращенностью к личности — можно очень эффективно пользоваться в клубах, где нередко складывается своя постоянная общность, где люди хорошо знают друг друга.

О том, как подчеркивает свою изначальную суть наглядная агитация, отчуждаясь от реального человека, хорошо сказал поэт Е. Евтушенко в своей «КамАЗовской тетради». Помните тот плакат, что «у столовки молодец висит с восторженным лицом», мимо которого устало толпой идут строители КамАЗа? Его ведь повесили, чтобы он воодушевлял на труд этих ребят, поднимающих колоссальную стройку страны. А полу-

чился эффект обратный ожидаемому — неприятие, такое насмешливо-пренебрежительное отношение к румянцу молодцу, раздражающему своей неуместностью в данной реальной рабочей жизни:

Плакат не плачет, не поет.
Плакат не сплунет, и не свистнет.
Не выражается, не пьет,
И так задумчив, что не мыслит.

Плакат — сам по себе. Человек — сам по себе. Полная разобщенность, некоммуникабельность. А истоки ее — в психологической безграмотности организаторов наглядной агитации. Между прочим, поэт схватил достаточно типичную ситуацию: этот плакатный герой с отчаянно радостной улыбкой нередко встречает нас на улицах, в парках, клубах. Относятся к нему люди так же, как и строители КамАЗа к своему румянцу молодцу.

— Не так давно «Комсомольская правда» опубликовала письмо клубного работника из Одесской области, который писал о неумении пользоваться теми плакатами и лозунгами, которые массовыми тиражами выпускают наши издательства. На стенах красных уголков и клубов «месяцами, годами висят одни и те же призывы и лозунги», «плакаты не привлекают внимания, так как долго не сменялись и устарели». Однако никто не может упрекнуть культпросветчиков в том, что они «не занимаются» наглядной агитацией. Ведь она представлена у них в изобилии. «Мне думается, — пишет автор, — для того, чтобы оживить и заострить идеологическое оружие [каким, безусловно, должна быть наглядная агитация], нужно искать новые пути подачи материала».

— В действительности клубы страдают не от недостатка средств наглядной агитации, а скорее от их избытка. Плакаты, лозунги, «молнии», диаграммы встречаются посетителя еще на подходе к клубу, они же размещаются в фойе и в комнатах для кружковых занятий. Но, как показывают результаты экспериментальных опросов, даже постоянные посетители клубных мероприятий с трудом могут припомнить, что изображено на плакатах, какие лозунги размещены в тех помещениях клуба, где они чаще всего бывают. Причиной этому то, что физиологи называют «охранительное торможение» — мозг перестает реагировать на избыточные, часто повторяющиеся стимулы-раздражители, предохраняя таким образом нервную систему от перегрузки. По той же причине производственный в цехе «не замечает» шума станков и механизмов, житель большого города «не обращает внимания» на уличную суету и бесконечное мелькание лиц прохожих, от чего так быстро устает приехавший погостить деревенский житель.

Избыточное количество плакатов и лозунгов в клубе приобретает, таким образом, поистине отрицательное качество. Если не вносить никаких изменений в создавшееся положение, можно выработать у посетителей клуба стойкий рефлекс на невосприятие наглядных средств, их будут просто «не замечать». Но дело не только в избыточном количестве плакатов и лозунгов в клубах. Если бы все они были хорошего качества — это было бы еще полбеды. Но беда-то как раз в том, что подавляющее большинство произведений наглядной агитации в

клубах выполнено художниками-любителями, а иногда и некоторые произведения художников-профессионалов не соответствуют предъявляемым к ним требованиям.

Думается, что наряду с прочими мерами здесь поможет и такая: контроль художников-профессионалов, социологов и психологов за использованием средств наглядной агитации в парках, на городских улицах, в клубах, что избавит человека от общения с низкопробными произведениями этого своеобразного вида изобразительного искусства. (А о том, что наглядная агитация — один из видов искусства, нам никак нельзя забывать.) Скажем, с такими, как вот этот плакат, что я увидел однажды в сельском клубе: дояр и доярка подняли вместе руки, над ними текст: «Шире борьбу за приостановление снижения надоев молока!» И не будет анархии в использовании средств наглядной агитации, неумеренного ее употребления.

И еще об одном. Наверное, не следует чрезмерно увлекаться крупными формами агитграфики. Плакат в полстены может подчас оказаться менее эффективным, нежели маленький, чуть больше карманного календарика, яркий листок, прикрепленный, скажем, на уровне глаз человека, который располагается в кресле клубного кафе, — он привлечет внимание как непривычностью формы, так и неожиданностью появления именно в этом месте.

— А есть ли особые приемы, овладев которыми клубный работник сможет «управлять» такой сугубо личностной сферой, как зрительное восприятие?

— Существуют психологические законы восприятия, их соблюдение обязательно, если мы говорим о действительности наглядной агитации. Думается, что просчеты в столь важной сфере работы идут во многом именно от незнания этих законов. И если это положение сохранится, мы не раз еще столкнемся с несоответствием изобразительных решений оптимальным условиям их восприятия. Каковы же эти условия? Их как минимум шесть. Знание адресата. Необходимо знать характеристики адресата (возраст, социальный статус, профессиональные интересы). Информация общего плана, рассчитанная на абстрактного человека, воспринимается плохо. Социологические исследования, проведенные на ряде предприятий Ростова-на-Дону и Таганрога, показали, что 90 процентов опрошенных заявили о необходимости избавиться от общих, расплывчатых призывов и лозунгов.

Второе условие — учет ситуации и времени появления плаката, лозунга. Скажем, в определенных обстоятельствах, в момент высочайшего эмоционального напряжения, связанного с неким этапным событием, уместен плакат типа: «Даешь Магнитку!». Но если изо дня в день в будничной трудовой обстановке повторять: «Даешь вышшую производительность труда!» — эти слова потеряют экспрессию, сам их смысл будет перечеркнут, они не прозвучат и в нужный момент, ибо слово-то ведь изнашивается, теряет свое значение от неумеренного употребления.

Неплохо бы установить нормы экспонирования средств наглядной агитации. Оптимальный срок жизни визуальной информации в клубе — месяц. Даже самый удачный прием должен варьиро-

ваться. (Скажем, вряд ли можно рассчитывать на отдачу, повторив уже однажды обращенные к Васе Иванову слова, ибо они будут восприняты как штамп.) Можно сказать о том же самом, но сказать иначе: к примеру, изменить словосочетание, написать лозунг не горизонтально, а вертикально, сменить цвет плаката, но ни в коем случае не следует менять его месторасположение. Зритель должен привыкнуть к тому, что на определенном месте он найдет определенную информацию. Учет места расположения — это и есть третье обязательное условие культуры подачи агитграфики, условие ее активного восприятия.

Четвертое — форма. Что дает форма с точки зрения психологии восприятия? Художники-профессионалы знают, что, к примеру, вертикальные и горизонтальные линии, если они преобладают, всегда ассоциируются со спокойствием, ясностью. Изогнутые линии — с изяществом, нежностью. Если в графическом произведении преобладают законченные формы, линии несколько раз повторяются, это создает впечатление точности, удовлетворенности. Незаконченные формы человек сам дорисовывает в воображении, но это уже вызывает у него смутное чувство тревоги, беспокойства, возбуждения. Следовательно, варьируя форму изображения, уже только одним этим можно вызывать у человека определенное состояние, ощущение. Мы же нередко пользуемся этим невольно.

Очень сильный фактор воздействия на психофизиологическое состояние человека, считают психологи, — цвет. Он может вызывать различные ассоциации и ощущения — вкусовые, тепловые, даже звуковые. Цвет может быть пронзительным, скрипучим. Скажем, зеленый цвет — терпкий. Те, кто выпускает сладости, не должны упаковывать их в обертку зеленого цвета: сахар в такой обертке будут покупать меньше. Вы, наверное, заметили, что транспортным рабочим и ремонтникам, приводящим в порядок город, выдали оранжевые жилеты. Дело в том, что, как установлено психологами, этот цвет зрительно приближает предметы на 8—12 метров, хорошо заметен в сумерках и в тумане. И такси теперь собираются красить в оранжевый цвет.

Сочетание цветов, цветовые контрасты также имеют большое значение. Так, психологи установили, что лучше всего воспринимается черное на белом фоне, дальше — желтое и красное на черном, на третьем месте — белое на синем фоне, а уже только потом — белое на красном.

Помимо психофизиологического, некоторые цвета имеют и символическое-экспрессивное значение. Например, красный цвет — опознавательный признак революции, Коммунистической партии и, следовательно, партийной пропаганды. И пользоваться этим цветом нужно строго по назначению. Однако на деле получается, что кумач в оформлении используют абсолютно все: от службы быта до детского сада.

Надо признать, что еще недостаточно разработаны принципы цветового оформления средств наглядной агитации. Психологам предстоит поработать в этом направлении и изучить проблему предпочтения различных цветов людьми в зависимости от их культурной, национальной принадлежности и т. д. Такой дифференциации мы пока не про-

водим. В то же время в различных республиках и районах страны существуют свои предпочтения того или иного цвета. Посмотрите, как одеваются, скажем, в южных республиках — ярко, броско. А вот ленинградцы предпочитают более спокойные, сдержанные цвета. Мы же тем и другим адресуем одинаковые по цветовой гамме издания агитационного и пропагандистского характера и надеемся при этом на их высокую эффективность.

И, наконец, шестой момент, на котором стоит остановиться, — подбор шрифта. Большинство графической продукции выполнено в одном шрифте, достаточно устарелом, как говорится, вышедшем из моды. В то же время исследованиями установлено, что шрифт вызывает сильное эмоциональное воздействие на человека. Один шрифт оставляет впечатление тяжести, другой — легкости, третий — фривольности. Поэтому нужен тщательный подбор шрифта, с тем чтобы он сочетался в своих экспрессивно-выразительных характеристиках с замыслом и задачами произведения и смысловой структурой текста. Здесь важно подобрать не только нужный шрифт, но и соответствующий кегль и гарнитуру. Подчас в довольно коротком тексте используют слишком много гарнитур шрифта, создается впечатление разбросанности, текст дробится на не связанные друг с другом куски. В одном и том же тексте следует избегать употребления 3—4 гарнитур одновременно.

В каждом пропагандистском тексте, особенно если он сопровождается рисунком, должны строго выделяться три его составные части: ключевое слово — его необходимо графически акцентировать (кстати, чтобы восприятие было мгновенным, слово должно состоять не более чем из семи букв), ключевая фраза — ее следует тоже выделять и уже после этого может идти более подробный текст.

Это лишь некоторые законы психологического восприятия агитграфики. Есть еще десятки других таких же простых и столь же обязательных для исполнителя и организатора средств наглядной агитации рабочих приемов, которыми нужно овладевать непременно, чтобы строить пропаганду на научных основах. Становится очевидным, что оформлением средств наглядной агитации не могут уже заниматься художники, не обладающие профессиональными навыками и знаниями, что курс психологии должен быть введен в программы учебных институтов, готовящих художников-оформителей, которых необходимо вооружать знанием закономерностей воздействия наглядной агитации на настроения, чувства и поступки людей.

— Палитра средств зримой пропаганды многолика и не ограничивается, понятно, лишь лозунгом и плакатом. Стенды, «молнии», листовки, витрины, выставки, щиты, панно, наконец, просто объявления и реклама — все это с успехом используется, в том числе и клубом. Какое из средств наглядной агитации, на ваш взгляд, наиболее популярно сегодня, соответствует современному стилю общения?

— Специалисты считают, что движущаяся пропаганда действует эффективнее, чем неподвижная. С этой целью сегодня стремятся использовать динамичные установки, световые «бегущие» газеты,

уличные рекламные мини-фильмы из нескольких кадров, сочетающие зрительный и звуковой эффекты (мы уже видели их на некоторых московских улицах). С этой целью агитационный материал помещают на движущиеся объекты — автомобили, трамваи, автобусы, даже... на людей. Это стало молодежной модой на Западе, эта мода дошла и до нас. Рисунки и тексты, которые печатаются на майках, джинсах, сумочках, рубашках, они ведь, заметьте, носят пропагандистский характер. Эта подвижная пропаганда нуждается в особом нашем внимании: ведь многие из тех наивных на первый взгляд изображений и слов, которые мы видим на молодежной одежде, являются между тем способом внедрения в сознание юношей и девушек чуждых нам жизненных стандартов, социальных ценностей.

Механизм действия подобной рисованной пропаганды найден психологически точно и потому чрезвычайно эффективен. Он основан на управлении потоком ассоциаций у человека. Всякий предмет вызывает парные ассоциации в сознании — по смежности, по контрасту, по сходству. Если человек несколько раз воспринял зрительно два предмета, изображенных рядом, и если через какое-то время ему попадается на глаза один из этих предметов, то ассоциативная цепь замкнется и создаст в сознании образ другого предмета, связанного с ним.

Здесь есть о чем подумать. Нам нужно выработать не только свое отношение к этой конкретной форме агитации, но и поразмыслить о методах работы с помощью движущейся пропаганды вообще, активнее использовать ее в повседневной практической деятельности.

Ваше мнение?

Чтобы рубрика «Семинар» оказала практическую пользу в повседневной клубной работе, редакция просит вас ответить на несколько вопросов:

1. Какие информационные материалы, научные консультации, практические советы вам особенно остро необходимы в повседневной работе? Назовите, пожалуйста, ряд тем и вопросов, в освещении которых клуб испытывает затруднения. С чем эти затруднения связаны?

Предложите свой вариант программы рубрики «Семинар».

2. К каким источникам информации вы чаще всего прибегаете? Назовите, пожалуйста, конкретные издания, теле- и радиопередачи (в том числе местные, заводские, колхозные и др.), а также другие источники (участие в планерках, семинарах, совещаниях, пресс-конференциях и т. п.). Есть ли у вас возможность пользоваться библиографическими изданиями, печатной информацией о новых фильмах, театральном и концертном репертуаре, лекциях общества «Знание», выставках, музейных экспозициях и других событиях культурной жизни?

3. Используете ли вы в своей работе выводы и рекомендации клубоведческой науки, приемы и данные социологии, рекомендации педагогов и психологов? Если да, то какими при этом пользуетесь источниками? В каких случаях возникает потребность получить научно-практическую консультацию по тому или иному вопросу? Куда вы в этих случаях обращались? Удовлетворил ли вас ответ?

ЧЕЛОВЕК
И ЕГО
ДЕЛО

АЛЕКСАНДРА КАПИТОНОВНА

ЮЛИЯ КРАСОВСКАЯ,
фольклорист,
член Союза композиторов СССР

...И снова маленькое, дрожащее от напряжения тельце шестиместного самолета (его на Севере ласково называют «Аннушкой») низко-низко и бережно несет нас над гигантской бирюзовой чашей Белого моря, над острыми пиками темных елей, над малыми и большими — до невероятия синими — лесными озерами, туда, к заветному селу Варзуге, что в двадцати километрах от моря... Это Терский берег. Заполярье.

Когда-то, ожидая «Аннушку» на беломорском берегу, разговорилась я с попутчиком (это был один из руководителей районного масштаба, приезжий, временный, не терчанин). Сказала, что мечтаю о том, когда моя малышка дочь подрастет и я привезу ее с собой на Терский берег познакомиться со «множеством» чудес: с людьми сильными, суровыми, веселыми и добрыми, погостить среди сказок древних, подстеречь лешего на таежной тропинке, услышать голос Великого Моря, послушать и перенять песни... «Нет, — уныло сказал руководитель, — лет через пять в этом районе уже не останется ни одного человека. Только в Умбе, в Лесном, в райцентре будет жизнь. Бесперспективный район, нерентабельный... И хора Варзуги не будет. И песни петь будет некому. И самой Варзуги тоже не будет. Ничего не будет. Море, камни и

лес. Как было сначала. Попомните мое слово...» И вот спустя двенадцать лет я снова иду (в который уж раз!) по Терскому берегу, а рядом со мной очень серьезно шагает моя вторая дочь, Анюта. Через год пойдет она в школу, и терские сказки, песни, побасенки, бывальщины, игры и считалки будут для нее не только книжной грамотой.

Живет сегодня Терский берег вместе с людьми, не осиротел. И в селе Варзуге нынче столько же домов, как при Иване Грозном, и, как прежде, в том же русле под крутым берегом течет река Варзуга. И по-прежнему мощно и стройно звучат голоса терчан. И по сей день жив знаменитый хор села Варзуги. Ветерана этого хора Александру Капитоновну Мошникову знаю я почти уже двадцать лет, а кажется — всю жизнь. Иногда мне даже чудится, будто мы с нею — одно и то же... Будто это вместе со мною росла кареглазая девочка с толстой каштановой косой, с непослушно кудрящимися прядками на висках и у затылка. Будто вместе мы слушали с полатай, в запечье, песни ее отца, Капитона Федоровича Чурилова, и негромко их повторяли, «разводя на голоса». Будто вместе бегали по соседству к подружке Федорушке слушать мудрые сказки, поучения, были и скорморощи небывальщины ее отца, совре-

менного летописца Варзуги, бородатого ясноглазого труженника — силача Николая Ивановича Коворнина...

А вот уж выросшие (совсем невесты!) неразлучные Сашенька и Федора в начале 20-х годов ходят по вечерам в школу, на репетиции молодежного драмкружка, который ведут учитель Вениамин Николаевич Попов и Ефим Никифорович Коворнин (дядя Сашеньки)... С упоением играют «Грозу» Островского, «Гамлета» Шекспира... Новая жизнь пришла и на далекое Беломорье. Раздвинулись горизонты. Зорче стали глаза. Острее и смелее мысли. Приблизилось пока еще не известное, но прекрасное будущее. Поздно возвращаясь домой, чуть задерживают девушки-подружки шаг над уснувшей, кутающейся в зыбкие шали тумана рекой. Мечтают о будущем. Глядят с крутого берега вдаль, за Успенскую сторону, где неярким жемчужным блеском отсвечивает лемех* на воздушной галке созданного крестьянскими мастерами-умельцами чудо-храма, глядят за холмы, покрытые лесом, — туда, где незакатная вечерняя заря с утренней встречается... А Сашенька и Федора все

* Лемех — чешуйчатое покрытие крыш, деревянные дражки, имеющие форму черепицы.

говорят и говорят о пригожем голубоглазом парне Льве, ладном, вежливом, работающем, скромном и уважительном... Быть, ох быть Александру его женою молодою, «княгиней первообрачною», как поется в свадебных песнях...

...Однако завтра рано вставать. Скорей в душное, пахнущее янущими березовыми вениками и только что испеченным хлебом тепло родного дома. Спать... А утром за завтраком строгий голос матери: «Лёксандра! Вечор тебя просватали...» Просватали, да за другого.

Вспоминается, к старости особенно ясно так вспоминается молодость. Что бы ни спросила я Александру Капитоновну о далеких тех годах и о том, как «жили-были», или вот о том, как хор начинался, — все помнит, будто было это вчера.

— Первые зачинали ходить в хор в 1935 году я да сестра моя Клавдия, подружка Фёдора Николаевна Коворнина, да невестка моя Ольга Мефодьевна, да Настасья Никитишна, да Онься Рогозина с Катериной Агафоновой, да еще там сколько ле наших. Я запеваала. Хор-от организовал дядя мой Ефим Никифорович Коворнин. Сам гармонистом был. Слух у него, беда, хорошей был. Неправильно кто споет словечко едино — «Сначала пой!» Строгий был. Выступали и в колхозе у себя, и в районе, на олимпиадах.

Так и получилось, что жизнь Александры Капитоновны прочно вплелась в историю и судьбу замечательного варзугского хора.

Моя многолетняя практика показывает, что лидер всякого песенно-хореографического фольклорного коллектива, как правило, обязательно является незаурядной личностью. Это в полной мере относится и к Александре Капитоновне Мошиной. Ее стремление к реализации своих наставнических способностей и возможностей проявляется постоянно и многогранно. С каким бы вопросом к ней ни обратились, у Капитоновны всегда находится верный, мотивированный и, главное, практически выполнимый совет, касается ли дело хозяйства или подчас сложных нравственных перипетий личной жизни, выбора будущей профессии или реставрации для варзугского хора почти забытой, очень ценной старинной песни, подлинной народной хореографии старинных хороводов. Трудно вообразить такого человека и такое дело, до которых не было бы дела Капитоновне. С отроческих лет была Александра Капитоновна человеком творческим и общественницей, хотя тогда еще и понятий подобных не было. Вот что она сама говорит об этом:

— Люди некоторые прежде стеснялись ходить в клуб, в драматической кружок и в хор. Одна пошла замуж да хор и бросила. Говорит: «Как в клуб похожу? стыдно». Нисколько, говорю я ей, не стыдно... А в войну-то одна соседка на меня заругалась: «Не стыдно тебе, Олёксандра, песни-то ходить в клуб петь? У тя хозяин на фронте, под пулями...» Нисколько не стыдно, говорю. Пить вино было бы стыдно, гулять стыдно, сплетни собирать по деревни стыдно, от дела лытать* стыдно. А петь не стыдно... Плохо нам жить, тяжко. Серьёз болит за народ, за мужиков наших на фронте, тяжко трудимся, а запоешь — серьёз-то радостью и надеждой затеплеет...

А до войны — в 1939 году — ехали в

район на смотр, да пришли меня созывать запеть. А у меня уж было пятеро детей, да Сашка маленькой, да Валентинкой тяжелой была. А муж-от, хозяин, говорит: «Поди ты, поди, Лёксандра. Люди ведь просят. Я уж с ребятами справлюсь». Уж не унимал, не обижался, што хожу, запеваю да уезжать приходится, выступать... И с войны писал письма, тоже писал: «Ходи пой, душу отогревай»...

Нет у Александры Капитоновны специального образования, но с лихвой восполняет она этот недостаток природной талантливостью и глубоким умом. Например, не зная музыкальной грамоты, она может разобраться в одnogолосной записи незнакомой песни. «Вот я нот-тих так-то не знаю, а ежли дадут мне ноты со словами — сдогадаюсь, какова песня. Спую мотив... Как? А вот глежу, глежу и začínую понимать, што тут повыше, а тут — тоже повыше, но поменьше того, а уж тут — пониже. Помучишься — всему научишься», — смеется Капитоновна. Руководителем хора и запевалой его она стала перед войной. Потом сменила ее сестра Клавдия Капитоновна Заборщикова, сейчас же запеваает Евстолия Васильевна Гурьева. Но без Капитоновны хор — не хор.

— И чехи сюда, в Варзугу, к нам приезжали хор слушать, и финны, коли не ошибусь... — рассказывает Александра Капитоновна. — В Ленинграде на годах вторую уж грампластинку нашу записали... И все пишут, пишут, в газетах да в журналах...

— А вы статьи эти не собираете? — Как не собирать! Которы присылают — собираю...

— А можно посмотреть? — Да вон там в горнице, под зеркалом лежат. Гляди — не убудет...

В горнице на комодке лежит объемистый, из толстой многослойной бумаги, почтовый мешок, до отказа набитый документами, грамотами, дипломами, журналами, газетами, медалями и знаками Почета в коробочках... Такое количество прессы бывает не у всякого профессионала!

— Александра Капитоновна! Что же вы мне не говорили, что у вас такое количество документов о заслугах?!

— А чё говорить? Чай, мы — простые люди, не высокократичаем*, дак...

И она не говорит ни о грамотах, ни о дипломах, ни о многочисленных благодарностях — за трудовые колхозные будни, за творческие клубные праздники. Умалчивает и о бесчисленном количестве статей. Журналист и драматург О. Кучкина, побывав в этих краях, написала пьесу о прежней жизни варзугжан, о становлении новой колхозной жизни и о нелегкой, сложной и славной судьбе Александры Капитоновны. Я пьесу не видела. Фотография сцены из спектакля висит у Александры Капитоновны дома на стене. «А вот это — я», — смеется Капитоновна, показывая на женщину в низком, на лоб, повязанном платочке со страдальчески надломленными бровями, патетически протягивающую руки к своей немилостивой матери. Мне делается как-то неуютно. Я смотрю на Капитоновну. Она с девических лет не носит платочка. Одна из первых в селе сняла. Лицо Александры Капитоновны спокойно. Ему чужды какие-либо сильные внешние проявления внутренней жизни. Только улыбка добра освещает его.

* Высокократьичать — гордиться не по заслугам (диалектное).

Лишь на фотографиях первых лет замужества в глубине зрачков едва заметна притаившаяся стынущая душевная боль. Помните: «А утром за завтраком строгий голос матери: «Лёксандра! Вечор тебя просватали...» (Сердце подпрыгнуло и застряло в горле. «Как?! Почему?») «За Фёдора», — твердо добавила мать. («Старший брат Лева! Ходил, смотрел, попереки пути становился... Нет! Нет! Не хочу! Не могу...») Все молча: не положено перечить матери, попереки слово молвить. Нет такого «заводу» своевольничать... Все дочери Александры Капитоновны выходили по своей воле. Она была последней в многовековой истории села, выданной замуж насильно, за нелюбимого. Не по расчету, нет. Не за богатство («Семья, видишь, ведь та же сама, за родного брата жениховая»), а по прихоти своевольной и властной матери, отдавшей предпочтение старшему брату, который заслал сватов первым.

Давно нет в живых обоих братьев-соперников. Но в памяти Александры Капитоновны живы оба... А мне вспоминается, как погожей сентябрьской ночью стоит Капитоновна босиком на чистеньких пестрых половиках, невысокая, но статная, сильная, стройная, кажется, совсем молодая в ярком снопе лунного света (лампу и свечу не зажигали: не хотелось). «Разжигляет» самовар у печи, тихо и спокойно скazujeет свою жизнь: «Я на Фёдора зла никогда не держала... Што уж тут! Жизнь прожита, дак... Шестеро детей подняла... Одну войну вспомнить... Мужики все на фронте. В колхозе — одни старики да жонки с дитяшками, дак... Нигде никакой помощи... Свою роботу рбнишь и мужицку... И сенд заготовляли, и лес валили, и рыбу лавливали, и через пороги по Варзуге-реке сами ходили на лодках, и пасли, и пахали, картошку да капусту рбстили — «от скуки на все руки»... Ничего! Выжили. Дети в люди вышли. Живем хорошо. Фёдор-от после войны долго не зажил: после фронта, дак... заболел. Помер. Внуков не дождал. Теперича уже и правнуки растут... Перед Фёдором вины моей никогда ни в чем не было. Да и он меня крепко уважал... Пальцем не тронул на веку...» И вдруг, всколыхнув волну длинных густых — ни сединки — каштановых волос (просыхают после бани), говорит спокойно, твердо и совсем просто: «Только я всю жизнь издала одного Лева любила... И он меня. За то и рано помер с горя, не зажил. Его уж давно нет, да я уж прабабушка, а и посейчас люблю. Любовь-то ведь только одна бывает...»

— Александра Капитоновна! Но как же вы могли матери подчиниться?

— А што делать?...

— Ну, не знаю: убежать надо было вместе со Львом... Куда? Мало ли... В Кандалаху, в поселок Лесной...

— Нет, голубушка. Это у нынешних: «Хочу... не хочу... не стану... не буду... а это — хочу, буду...» А прежде знали одно: мать послушаться нельзя, цё бы она ни приказывала. В ум прежде не пришло бы попереки матери...

Личная трагедия Александры Капитоновны на долгие годы стала предметом моих размышлений. Но мне понадобилось почти десять лет для того, чтобы осознать, казалось бы, простейшую мысль: отказавшись от борьбы за счастье, Александра Капитоновна проявила не слабость, а стойкую мужест-

венность характера. Звал ее Лев даже после свадьбы оставить мужа и вместе уехать. Всю оставшуюся жизнь готов был принять, какова бы ни была, с горем, с детьми, с невзгодами, с неурядицами... И вряд ли не только в Варзуге, но и на всем Терском берегу кто-нибудь осудил бы эмансипированный по тем временам поступок. Кроме матери, кроме родной матери... Приобрела бы Александра Капитоновна все счастье жизни. Но, может быть, ценой потери целостности, чистоты и гармоничности своего внутреннего духовного мира, сломав один из его основных стержней: послушание матери.

Александра Капитоновна оказалась победителем в тяжелой нравственной борьбе, требовавшей от нее выбора между матерью и любимым. Она победила самое себя, смятенную бурю своих чувств (а это почти всегда неизмеримо труднее, нежели побороть самые тяжелые внешние обстоятельства). И когда я вижу прекрасное лицо Александры Капитоновны, одновременно строгое, волевое и бесконечно доброе, улыбочное, светящееся деятельной любовью ко всему и всем: к близким своим, к нуждающимся в ее помощи приезжим и к родной Варзуге («Зовут дети в город... Нет уж. Остарела, дак... Тосчно, душно, тесно в городах... Здесь живу, гостей принимаю»), когда я вижу это лицо, осянное негромкой какой-то любовью к родной природе и речи, к повседневному труду и к привычному укладу крестьянской жизни, к поморским песням, к колхозному хору, к соседям, к их детям и внукам, когда я вижу это умное, одухотворенное лицо, в сознании моем исподволь всегда оживают знаменитые некрасовские строки о русских женщинах, и становится легче жить.

Трудолюбивой, неунывающей, всегда идущей к людям знаю я Александру Капитоновну. Для нее нет дел или людей «своих» и «чужих». И неудивительно, что любому приезжему, добравшемуся в Варзугу, здесь могут задать вопрос: «Вы случайно не к Капитоновне едете?» Для нее это как бы даже профессия: обрадовать, отогреть человека. Чтобы он почувствовал себя совсем своим, желанным и нужным вдали от дома, чуть не на краю земли.

— Людей-то, народу, через мою горницу прошло! Што чаю пивано, што сижиено-говорено—неприступным светом!

В чем же «загадка» характера Александры Капитоновны Мошниковой? Может быть, в том, что сумела она вопреки себе подчинить себя служению людям, так же как когда-то вопреки себе подчинилась матери? Думается, это не так.

Не сделаю никакого открытия, если скажу, что сейчас одной из самых острых психологических проблем считают проблему исчезновения дружеского «досугового» общения. Все меньше и меньше мы встречаемся на досуге со своими друзьями, все меньше знаем об их радостях (пожалуй, о горестях еще знаем и стремимся все же помочь), все меньше разделяем с друзьями часть их жизни, все замкнутее пространство нашей собственной, личной жизни... И это несмотря на то, что фактический круг наших друзей, казалось бы, расширился, стал богаче, разнообразнее! Но... чаще

всего это деловые друзья, а не те, что собираются вместе за чашкой чая...

Скажите — городская проблема?.. Однако первоначальные симптомы некоторой разобщенности заметны уже и в деревне. Не раз и не два слышала я в Варзуге: «Как-то раньше вместе собирались по праздникам!»

— Пьянства этого в обычае не было, — рассказывала мне пожилая колхозница, участница хора. — Понемногу пили... Кум и брат, да тесть и сват, да порядовые соседи зайдут, да и своя семья. Глядишь — полный хор Пятницкого тебе. Песни подымали баско*, на голоса... Теперь сидят-ат, как суслики-байбаки по норам. (Только свадьба — тут уж все.) Чего, спрашивается! Устаем, говорят. Робота. Устаю-ом! А прежде не робота была? Тяжко робыли, машин-тих не было. Лес ли валили, землю пахали, сеяли, жали — все вручную. Нет, голубушки, не робота вам вадит** веселью. Нет уж... Не избились на роботы, дак... А хор наш? Да-да, хор — другое дело. Эти-то вместе, вместе... Кто придет в летнее время — они уж тут все к Капитоновне идут в дом, поют, не считают, што опосля роботы. Перед домом на ровном местечке, на травке закружаются, «Камку» развернут в пять кругов, с узорами, «Во лузях» хоровод — только шальми и сарафанами, как цветами отлаными машутся... Ну, дак это ведь Капитоновна!

Капитоновна — что ж, может, она и впрямь необыкновенный человек, обладающий чуть ли не магнетическими способностями привлекать к себе людей... Да нет же, обыкновенная деревенская женщина, слава богу, даже отдаленно не подозревающая о возможности существования этой пресловутой разобщенности. Зато точно знает Александра Капитоновна, что люди должны жить вместе. Все так просто в действительности: есть я и есть люди. Без них нет жизни. Так что и подчинять себя им, следовать некоей высокопарной идее служения людям Капитоновне нужды нет. У нее как-то все человечнее, проще. Увидела, что в садике соседки (ветерана хора) Лукки Кузьминичны Алибастровой внучонок один топчется — и воды колодезной принесла, в магазин сбегала, картошки из подполья подняла, сварила, шанежек занесла, избу «обиходила»: Лукки-то приболела. Сбегала и телеграмму Луккиной дочери дать. Доктора настояла вызвать. И мальчишку лаской не обошла... А скажи Капитоновне, что «постоянное служение людям является основной формой ее жизнедеятельности, духовным смыслом и оправданием ее собственной жизни» — эти правильные наши слова, — наверное, удивится. А может, и обидится. Не нужны ей все эти слова. Ее жизнь — непрерывный труд, любовь и родная песня — вся «на миру».

Вот и выходит, что и Капитоновна, и хор в жизни сегодняшней Варзуги просто необходимы. Ведь вот не разделяет дружбу хористов ржавчина отчуждения. Они, наверное, и не представляют себя друг без друга, и в круг этого их почти семейного общения невольно вовлекаются односельчане (да и жители других сел Терского района, куда хор выезжает «на гастроли»). Общаются люди пожилого и среднего возраста, часто собираются и дома у Капитоновны, и в клубе. Клуб выстроен в Варзуге про-

сторный, удобный, вот только молодежи там делать нечего. «Ску-ушно!» Нельзя же целый вечер гонять бильярдные шары, а потом смотреть уже знакомую киноленту. Ну, танцы... Тоже надоедает. Вот и заглядывают иногда ребята в щелчки да в окна, что там снова за репетицией у хора?

— Подите-подите! Нечего вам тут делать. Не мешайте. Тут старухи занимаются, — бывает, что и одернет их очередная заведующая клубом... Именно очередная: на этой должности здесь долго не задерживаются, да и хором обычно не очень интересуются. Одно беспокойство: то в Мурманск их отправляя, то в Ленинград, то в Москву. И чего в них нашли? Тоже, артистки!..

Да, пожалую, отчасти и лучше, когда не интересуются. А то ведь были такие, что интересовались, так прямо беда: «Что за песни поете? Давайте их петь под гармонь, под аккордеон». И песня разваливается. Гармонь-то она к частушечкам, к пляскам, а к долгой, протяжной песне — никак. Или другой молодой специалист в клуб приехал работать: «Не пойму, как вы дышите? Не правильно. Я вас выучу в пении дышать правильно: все вместе и по моей руке. Ну, р-раз!» А то, что в народной протяжной песне «цепью», один за одним дышать нужно — и дела нет. Вот и учат петь «по-культурному»... На счету подобных специалистов немалое количество погубленных народных сельских хоровых коллективов. За сегодняшний день хора села Варзуги я спокоина: традиции его строго хранят Александра Капитоновна и ее подруги. Ценность хора именно в том, что он — живое свидетельство тысячелетней истории народной культуры. И все же... помочь ему не законсервироваться, не захиреть, помолодеть от притока юных голосов сможет только настоящий фольклорист, хорошо изучивший специфику терской народной культуры, и в частности села Варзуги. Специалист, который сознательно пошел бы в ученики к той же Александре Капитоновне Мошниковой и с ее помощью смог бы привлечь в хор молодежь. А Александра Капитоновна сумеет передать молодежи свою любовь к песне, и это еще одна типическая черта ее характера. Ведь не секрет, что дети большинства народных исполнителей не наследуют этой родительской любви к песне... А две дочери Александры Капитоновны, многодетные матери, отлично работающие колхозницы, Клавдия Федоровна Чунина и Лия Федоровна Вопышина, поют с нею в хоре.

В конце мая 1980 года организатору и старейшей участнице славного хора Варзуги Александре Капитоновне Мошниковой исполнилось 75 лет. Одновременно с этим знаменательным юбилеем отмечается и другой: 55-летие ее непрерывной общественной творческой работы на ниве сельской клубной самодеятельности.

...Живет в далеком заполярном селе простая, рядовая колхозница на пенсии — Александра Капитоновна Мошникова. Ее дом на Красном угоре* над рекой Варзугой, где белыми ночами собирается молодежь с гитарами, с гармонью попеть, посидеть, помечтать, всегда открыт для каждого, кто нуждается в добром слове, в песне, в совете, в сердечном участии и просто в ночлеге и чае из уютного блестящего медного тульского самовара.

* Неприступным светом — по смыслу идентично выражению «ни в сказке сказать, ни пером описать» (шутливое диалектное).

* Баско — красиво, хорошо (диалектное).

** Вадит — мешает (диалектное).

* Угор — пригорок (древнерусское).

ГЛАВНЫЙ АРГУМЕНТ- ДЕЛО

А. МОСТОВОЙ,
наш спец. корр.

В Саратове среди кирпичных коробок домов на берегу Волги ветер дует с морским разгулом. На улицах пусто и холодно. Так же пусто и в школьном дворе, который насквозь простреливается ветром с реки. Но вдруг двери школы распахиваются, и четверо мальчишек вылетают на улицу. Они прыгают по тротуару и сразу исчезают в каком-то дворе, а через минуту уже гонят на встречу мне пустую бочку. Громящая бочка катится вниз по улице.

— Поберегись! — кричат в восторге ребята. Редкие прохожие шарахаются в сторону, а бочка, ставшая «танком», сбивает по пути урну и мчит дальше на «вражеский дзот».

— Дашь ракету! — вопят мальчишки, и бочка-ракета влетает во двор магазина.

Бумага, ветошь и всякий хлам быстро набиваются внутрь бочки, потом ее ставят на попу и поджигают. Трещит пламя. Ребята стихают, смотрят сосредоточенно на играющий в бочке огонь, но тут хлопают двери магазина, и во дворе появляется фигура в белом халате. Поспешно хватая портфели, мальчишки разбегаются. Человек в белом халате приносит ведро воды и заливает огонь.

— Каждый день что-нибудь жгут, — жалуется он мне — единственному свидетелю его бдительности. И неожиданно миролюбиво объясняет:

— А их тоже надо понять. Родители на работе, дома пусто. Хочешь не хочешь, а что-нибудь выкинешь. Мы в их годы тоже не были ангелами...

Не догнав ребят, я вернулся в школу и неожиданно стал участником разговора директора с молоденькой учительницей. Разговор, что шел между ними, был явно не легким. Чувствовалось, что школа нуждается в преподавателях, а преподаватель не нуждается в школе.

— Вы ведь обещали мне, что я проработаю полгода и уйду, — с укором сказала учительница.

Директор вздохнул.

— А я вас и не задерживаю. Но хотя бы объясните причину ухода. Может быть, зарплата не устраивает?

Зазвенел звонок, двери классов с шумом распахнулись, и туча ребят, размахивая портфелями, толкаясь и производя неимоверный шум, пронеслась мимо нас к дверям. На лице учительницы отразилось безразличное выражение.

— Так, может, все-таки зарплата? — спросил еще раз директор.

— Да что вы? — в сердцах сказала она. — Если бы мне платили в пять раз больше, я все равно не осталась бы. Ведь это варвары какие-то!

Тогда директор поблелел так, словно она оскорбила его.

— Это же наши дети, — сказал он с укором.

Она ушла, видимо, уверенная в своей правоте. Я сказал, думая попасть в унисон директорским мыслям:

— Жаль, что ушла.

Но директор рассердился.

— Хорошо, что ушла. Правильно сделала. Не надо портить свою и чужие жизни, раз не любишь и не понимаешь детей. Холодным, эгоистичным и равнодушным людям нечего делать в школе. Вы видели, как вылетает пружина из заведенного патефона?

— Нет, — признался я. — Я и патефона не видел.

— Так представьте себе, что эта пружина — ученик. И он сжат в школе в течение пяти часов: дисциплина. Но вот звонок — конец занятий. И он стремглав вылетает на улицу, врывается в телефонную будку, в чужой подъезд. Ему надо куда-то деть скопившуюся энергию! Но, к сожалению, он часто остается на улице, предоставленный самому себе. Мы же, педагоги, делаем вид, что этого не понимаем. Посмотрите, какие дети попадают у нас в «трудные»? Активные, инициативные, по-своему смелые. Хорошие, способные дети...

Я часто вспоминал об этом разговоре, знакомясь в Саратове с работой детских и подростковых дворовых клубов. Ведь от них, наверное, зависит во многом жизнь ребят после школы, то, каким содержанием она наполняется. Несколько дней я провел в одном из лучших

дворовых клубов города — на улице Космонавтов в Волжском районе. О нем и расскажу.

По крутым ступенькам мы с Любовью Ивановой спустились в полуподвальное помещение.

— Вот тут и находится наш клуб, — сказала она торжественно и немного грустно. Я осмотрелся. В большой комнате без окон — теннисный стол, сдвинутые в три тесных ряда стулья. Стены увешаны грамотами, вымпелами, самодельной чеканкой, рисунками ребят. В углу — верстак. На небольшом возвышении, как бы «во главе» комнаты, — новенький, отливший лаком роуль. Он показался инородцем в скромном интерьере помещения.

— Подарок шефов? — спросил я.

— Да нет, — возразила Любовь Ивановна. — Хотя шефов у нас много: это и учереждения, и предприятия, и общество «Спартак», и городской кукольный театр, и все понемногу помогают. Но роуль купили сами — на премиальные деньги за первое место в районе среди дворовых клубов.

— Выиграли в честном бою, — добавил паренек, ливший что-то у верстака.

Уже позже, познакомившись с работой клуба, я увидел, что «бой» они, действительно, выиграли честно. Здесь занимается около трехсот ребят, все они считают клуб своим вторым домом, приходят не только выжигать по дереву, выпиливать, вышивать, фотографировать, но и поделиться мыслями, получить свою толику внимания, тепла. Я видел, как они бегут в клуб, с портфелями, не заходя домой: посмотреть, кто здесь есть, чем занят. Все время, пока я приходил в «Волжанку», дети что-то делали без помощи взрослых — мастерили фотостенд, работали на верстаке.

Как раз в те дни, когда я знакомился с работой «Волжанки», на моих глазах свершилось знаменательное событие: клуб получил новое двухэтажное здание на площади Революции и скоро в него переедет. Чтобы перевести клуб из подвала, потребовались годы. Давыдова, как говорится, обила немало порогов.

Сначала ей отказывали, потом обещали и, наконец, обещание выполнили. И хотя Любовь Ивановна, несмотря на трудные условия, сумела создать детскую организацию, пользующуюся любовью и уважением и самих ребят, и взрослых, работать в этом полуподвале ей было нелегко. Взять хотя бы расписание. Пришлось не раз перестраивать графики занятий кружков, пока удалось «разместить» триста детей в одной комнате. Кружки распределены так, чтобы они не мешали друг другу. Если занимается танцевальный, то одновременно с ним работает фотостудия. Кружок вышивания и вышивания совмещается с кружком «Умелые руки» — его ведет сама Любовь Ивановна. Поначалу в этом кружке девочки шили куклы для самоваров и чайников в подарок родителям. Позже на базе этого кружка образовалось целое ателье по пошиву платья для персонажей кукольного театра, созданного с помощью шефов из городского кукольного театра «Теремок». В последнее время по инициативе девочек появился кружок художественной вязки — веяние моды. Клубная «администрация» охотно идет на нововведения, не боясь разрушить с трудом утрясенное расписание. По инициативе девочек был расформирован кружок чеканки. Чеканкой, как сказали ребята, сейчас занимается все. А хочется что-то свое. Поэтому, наверное, весной, как только сойдет снег, открывається в клубе кружок помощников природы — начинают озеленять свой двор, окапывают и поливают деревья. Этому сезонному кружку места в клубной комнате не нужно — он работает на улице.

Все эти годы педагоги клуба старались, чтобы дети могли как можно больше проявлять самостоятельность. Не случайно ребята приходят не только на занятия кружков, но и просто провести здесь время, что-нибудь помастерить. Как шутит Любовь Ивановна, «при возросшем количестве полированной мебели все больше сокращается жизненное пространство детей». И только вне дома, школы они получают столь желанный простор и свободу. «А поскольку клуб конкурирует с улицей», — объясняет Давыдова, — мы стараемся, чтобы ребята чувствовали себя у нас не менее раскованно».

Как же все-таки сделать свободными, непринужденными занятия тридцати-сорока участников кружка, если время занятий, их место, программа деятельности регламентированы? Предоставить им возможность больше проявлять творчество, инициативу. Так поступает, например, руководитель фотокружка, студент консерватории Павел Мороз. Юным фотографам, конечно, не хватает и мастерства, и техники, но зато не откажешь им в изобретательности, с которой они выбирают сюжет, в желании видеть мир творчески. На их фотографиях отражаются самые разные стороны, нюансы окружающей жизни: и старые деревянные домики, сохранившиеся еще кое-где рядом с домами-новостройками, и современные жилые кварталы, башенные краны, автомобили — близкие ребячьему сердцу сюжеты. Виден их интерес к окружающему, к тем переменам в жизни, что совершаются в Саратове сегодня.

...Из детства все мы выносим запомнившиеся истории о великих людях. На меня произвела впечатление история с Ньютоном и упавшим на него яблоком.

В детском сознании она сложилась так. Шел человек по саду, на него упало яблоко. Он, почувствовав удар, вдруг задумался, почему все предметы падают, и понял, что ему необходимо в этом разобраться, изучить свойства падающих тел. Он стал ученым. И хотя я давно уже знаю, что на самом деле Ньютон стал ученым не в этот день, я вижу в детской истории желание объяснить причину, почему человек выбирает ту или иную дорогу в жизни.

Любовь Ивановна стала работать с детьми, уже выйдя на пенсию, проработав долгие годы по специальности экономиста. Я спрашиваю ребят, почему, на их взгляд, она стала в таком возрасте «ребячьим комиссаром»? И отвечали мне все, в общем-то, одно — она любит детей, умеет их понимать. Что стоит за этим?

Одна юная вышивальщица рассказала историю, происшедшую не так давно. Двое восьмиклассников, мальчик и девочка, дружили. А когда мальчик поступил в мореходное училище и должен был уехать в другой город, подростки решили дать друг другу клятву верности и скрепить ее романтически — своей кровью. Когда это стало известно (они пришли домой с исцарапанными руками), все — и родители, и учителя — пришли в ужас. Мальчику было проще — он уехал. Девочку стали осуждать соседи, одноклассники. Вступилась за нее Любовь Ивановна. Каждого заставляла задуматься над такими серьезными вопросами: хорошо ли подставлять под удар первые нежные чувства подростков? Имеют ли взрослые право выносить их на всеобщее обозрение? Мнение Любови Ивановны авторитетное, поэтому пересуды прекратились.

С подростками Любовь Ивановна научилась находить общий язык давно, когда растила трех своих детей и много лет подряд была бессменным руководителем родительского комитета в школе. Когда в домоуправлении, где встала на партийный учет, ей предложили «взять» работу с детьми, сразу согласилась. Я специально хочу подчеркнуть, что Любовь Ивановна, принимаясь за новое для себя дело, уже была в доме, во дворе, в школе человеком уважаемым. Это во многом предрешило успех.

Участок Давыдовой достался, что и говорить, запущенный. Не было «крыши» для занятий с детьми, инвентаря, детская площадка стояла заваленная строительным хламом. Нужно было помещение — энергичная Давыдова стала искать место и нашла эту комнату. Стала готовить себе помощников — не так легко людям пожертвовать своим свободным временем, когда его немного. Но Любви Ивановне привыкли доверять, поэтому приводили в порядок подвал и площадку, что называется, всем миром. Помогали и исполком. Все вычистили и «вылизали», приобрели кое-какую старую мебель и инвентарь. Клуб открылся. Но дети обходили его стороной.

Тогда Любовь Ивановна начала, как теперь принято говорить, «изучать интересы» ребят. Переписала имена, фамилии, адреса всех местных детей в одну большую тетрадь, стала разговаривать с каждым и спрашивать, что хотел бы делать.

Однажды в сырой осенний вечер, когда во дворах становится пусто, на той самой лестнице, которая ведет в клуб, сидел мальчишка лет двенадцати с бутылкой вина.

— Я друзей жду, — пряча бутылку, ска- зал мальчишка.

— Подождем вместе, — кивнула головой Любовь Ивановна. И присела с ним рядом.

Целый вечер она ходила с этой мальчишеской компанией по двору. Подростки доверчиво рассказывали о том, что ими мало кто, в сущности, занимается, большинство же только ругает, жалуется на них...

Давыдова показывала мне письма того мальчишки, что сидел когда-то с бутылкой на лестнице: он вырос хорошим человеком, получил специальность, отличился, прошел воинскую службу. Свои солдатские письма, адресованные Давыдовой, он подписывал словом «воспитанник». Таких весточек со словами благодарности она получает много. Значит, в клубе ребята нашли настоящего наставника, воспитателя.

Вот еще одна похожая судьба: Володе С. воспитательница клуба Л. Н. Гарашко встретила в детской комнате милиции. Он к тому времени был «постоянным клиентом» детской комнаты. Она забрала его оттуда и повела не домой беседовать с родителями, как ожидал мальчик, а в клуб и попросила помочь сделать почтовый ящик на дверь. Точно такой же, как тот, который Володя сжег прошедшим вечером. Парнишка сначала выполнил это задание, потом починил спортивный инвентарь... Так постепенно привык помогать «Волжанке». Сейчас, по прошествии почти десяти лет с тех пор, и Давыдовой, и самому Володе С. — курсанту мореходного училища — эта история кажется смешной и трогательной.

— А тогда была драма, — вздыхает Давыдова.

Сколько же энергии и душевных сил им пришлось приложить, чтобы снова и снова вытаскивать его из сомнительных компаний, забирать из комнаты милиции или разыскивать на вокзале! Но по отношению к «трудным» ребятам «Волжанка» проявляет особое внимание. Они — ее самый главный участок работы, именно таким детям клуб нужен особенно. «Из «трудных» ребят выходят очень хорошие люди», — сказала Любовь Ивановна, и я понимаю, почему в клубе удается перевоспитать таких, как Володя, — это уже определенная позиция по отношению к таким детям. Позиция доверия.

То, что педагог-организатор Любовь Ивановна Давыдова может работать в трудных условиях, — результат ее веры в свое дело, умения сделать его своим союзником. Не случайно, видимо, у многих ее коллег работа застопоривается вначале, когда результатов работы еще нет и они не могут служить поддержкой, аргументом. А ведь когда-то она начинала, как говорится, с нуля. У нее не хватало опыта, не было помощников. Помогали организаторский талант, увлеченность. Поддерживало и то, что сумела завоевать доверие в домоуправлении, у жильцов. Вероятно, поэтому многие родители, следуя примеру ребят, идут к ней поговорить о своей личной жизни, работе, воспитании детей. Все, что сделано в «Волжанке», — результат труда Давыдовой. И этот результат замечен — помещение клуб получил такое, каким, очевидно, не владеет ни один жэковский клуб в Саратове. Как видно, главный аргумент все-таки — дело.

— Автолюбительская
„Скорая помощь“

— Торт „Пароход
„Челюскин“

— Цветы слушают музыку

— Самовары тренера

— „Олимпиада улыбается“

— Что общего между
боксом и вязанием?

Мир увлечений

№ 6 (52)

(выходит с 1977 года)

ХРОНИКА

Более 31 тысячи молодых изобретателей и рационализаторов трудится на предприятиях Куйбышевской области. В 1979 году от них поступило 3,5 тысячи рационализаторских предложений. От всех внедренных за 4 года в производство 28 тысяч рацпредложений получен экономический эффект свыше 32 миллионов рублей. Эти впечатляющие данные приведены на областной выставке-смотре научно-технического творчества молодежи «Пятилетка эффективности и качества — энтузиазм и творчество молодежи».

Стенды рассказывают об активном участии в техническом творчестве школьников. В области работают 10 станций, 24 клуба юных техников, 5 технических кружков при Дворцах пионеров, 215 — при домоуправлениях и свыше 4 300 — при школах. Всего в технических кружках занято более 47 тысяч школьников — практически каждый пятый из учащихся 4—10-х классов.

Куйбышевская область

клубный работник-коллекционер

Давайте задумаемся вот над чем. С одной стороны, везде идет процесс специализации: в науке, в производстве, в сфере досуга вообще и в мире увлечений в частности. Все реже люди собирают, допустим, «все про зверей» и все чаще отдельно «все про зайцев» или «все про собак». Астрономы-любители все реже любуются звездным небом и все чаще сосредоточиваются на пульсирующих звездах или, скажем, серебристых облаках. Возможно, они предпочитают знать многое о малом, нежели понемногу о многом, возможны другие причины, но факт налицо.

С другой стороны, совершенно очевидно, что наука и производство стали делом коллективным. Время ученого-одиночки кануло в Лету. Новую марку автомобиля создают не Кулибины, а крупные КБ, а то и тысячные коллективы ВАЗа, КамАЗа или АЗЛК.

Если раньше всемирно известные музеи возникали из блистательных коллекций одиночек, то сейчас музеи создаются сообща. Даже обширные коллекции нынешних видных собирателей пополняются, складываются не без помощи десятков, а то и сотен единомышленников.

Это нисколько не преуменьшает роли таких корифеев как крупнейший в мире филокартист Н. С. Тагирин из Ленинграда или чудесный рассказчик, собиратель редчайших предметов, связанных с историей русского и советского искусства, Н. С. Никифоров из Тамбова. Их знает вся страна. Но их единицы. Малоизвестны же коллекционеры — тысячи, а тех безвестных обладателей десятка значков о любимой команде «Торпедо» или двух классеров с марками по авиации — миллионы. Они живут в каждом городе и поселке, они буквально окружают нас. Их коллекции как песчинки на приморском пляже. Про существование у них этих мини-собраний знают лишь

их семьи, соседи да дотошный клубный работник, которому важно знать, чем его односельчане или заводчане жиаут, чем увлекаются.

Я не знаю, кто именно придумал создать коллективные коллекции фонограмм тысячекратно усиленных и ставших слышимыми голосов рыб, спичечных этикеток, автомашин — ветеранов такси и многие другие, но я знаю, что эти коллекции существуют и выросли в уникальный музей спичек на калужской спичечной фабрике «Гигант», в музей такси в 19-м таксомоторном парке столицы и в богатейшую фонотеку голосов рыб на биологическом факультете Московского университета.

То, что богатая коллекция — основа клубной выставки, фонотеки, музея, не требует особой аргументации. Но что делать клубу, дискотеке, музею, расположенному в деревне, поселке, городе, где не проживает известный собиратель, где нет общественно значимой коллекции? Мне видится выход в создании коллективной коллекции. Причем роль организатора этой коллективной коллекции, пусть даже составленной из таких разных «узкоспециальных» предметов, как значки, медали, этикетки, фотографии, не посвященных родному селу, заводу, школе, более всего подходит клубному работнику, который может и должен стать коллекционером неизвестных коллекционеров. Ибо современный клубный работник не может не понимать, что с научной точки зрения специализация и централизация — две стороны одного процесса, происходящего и в науке, и в производстве, и в сфере досуга. А с точки зрения чисто человеческой, собирая коллективную коллекцию, он, по сути дела, собирает коллектив, привлекает людей.

ПИШУЩАЯ „ШАРМАНКА“

Многих «предков» современной пишущей машинки можно увидеть, побывав на участке гарантийного ремонта завода «Мосгорремортехника». Здесь хранится любопытная коллективная коллекция, собранная работниками завода во главе с начальником участка Б. Булкиным.

Так, например, в первой промышленной модели пишущей машинки «Ремингтон», выпущенной в США в 1867 году, печатаемый текст вообще не был виден. В германской модели «Иост» ленту заменяла пропитанная чернилами подушка, положенная в специальный отсек. А первая русская машинка, созданная в 1870 году, по внешнему виду напоминала

Отечественной войны — бой с гитлеровцами на Марухском леднике Кавказа, открыта в музее боевой славы совхоза «Кавказский» Прикубанского района. Автор диорамы — кислородчик Л. Нефедов. Представленные здесь боевое оружие и армейское снаряжение собраны учащимися совхоза-техникума во время экспедиции на Марухский перевал, где в годы войны шли жестокие бои.

Карачаево-Черкесская автономная область

Автомобили с необычным знаком на ветровом стекле — эмблемой добровольного общества автолюбителей и с красным крестом — появились на улицах городов Украины. Каждый водитель такой машины владеет навыками, необходимыми для оказания неотложной медицинской помощи пострадавшим в дорожных происшествиях. В этом случае медицинские секции, которые впервые в стране созданы при областных и районных советах добровольного общества автолюбителей. Республиканская секция врачей и медработников-водителей, которую возглавляет профессор С. Мудрый, организованная не случайно. Многолетние наблюдения показали, что около трети погибших в автомобильных катастрофах можно было бы спасти, своевременно оказав им помощь. Сейчас на Украине насчитывается 500 медицинских секций общества автолюбителей, в которых активно сотрудничают 12 тысяч человек.

УССР

ЦВЕТЫ, МУЗЫКА И ЛЮБОВЬ

В голубом рассветном небе такют последние звезды. Ветер разносит аромат роз. Ганиджон Урунов поливает белые, желтые, красные розы, ромашки, гвоздики, петунии, гладиолусы. Его младший сын, Рифиджон, и внук Баходур помогают Ганиджону, потом цветовод говорит сыну: — Рифиджон, привеси дутар.

Урунов начинает играть на дутаре таджикскую классическую мелодию. И спустя некоторое время лепестки роз на глазах изменяют цвет: одни бледнеют, другие розовеют, третьи зеленеют, четвертые желтеют.

Ганиджон Урунов, бывший преподаватель математики, отец девяти детей, более полувека занимается цветоводством. На областной станции юных натуралистов создал кружок цветоводов. Из ботанических садов Средней Азии он привез около 200 видов растений для юнатов, а в его ботаническом саду живет около 100 видов цветов.

Урунов рассказывает об их особенностях:

— Цинерария. Жадный и самодовольный цветок. Предпочитает одиночество. Если поближе посадить другой цветок, цинерария высохнет. Колеус. Любит классическую таджикскую музыку и только под нее, грациозно покачиваясь, изгибает стебель — «танцует». Интересны и местные, среднеазиатские растения. Одамгул (цветок-чело-

век): его соцветие напоминает лицо с глазами, носом, бровями, губами. Сагчагул (цветок-собачка): если нажать пальцами на его соцветие, раздастся звук, похожий на лай собаки.

Г. Урунов собрал сотни легенд. Многие из них вошли в подготовленный любителем на таджикском языке каталог, посвященный 500 видам цветов. Еще Ганиджон любит рисовать цветы. А победители дая цветов, учрежденного на

областной станции юнатов дядей Ганиджоном, получают в подарок букеты из его сада.

— Если каждый человек своими руками создаст цветник или сад, то станет хозяином мира радости, и этот мир не имеет предела, — говорит дядя Ганиджон, перебирает струны дутара, и головки цветов кивают ему в ответ.

Текст и фото М. Хусейнова, Ленинград

полнилось 15 лет, — говорит Б. Булкин. — В ней более трех десятков ценнейших экземпляров, подаренных нам учреждениями, москвичами. Некоторые машинки удалось отремонтировать и привести в рабочее состояние.

Коллекция — прекрасное «этнографическое» пособие для молодых рабочих заводов, учащихся ПТУ № 61 — будущих механиков.

Москва

КНИЖНАЯ ПОЛКА

СКАЗКИ-ЗАГАДКИ

Издательство «Наука» выпустило иллюстрированный сборник «Армянский фольклор». В него вошли забавные истории, загадки, пословицы и поговорки, бытовавшие в устном фольклоре во второй половине XIX — начале XX века. Объединяет большинство поучительных историй, состоящих из двух-трех эпизодов, герой анекдотов, знаменитый карабахский балагур Пыл-Пуги. Слава его сродни славе Ходжи Насреддина. Пыл-Пуги — поборник правды, неистощимый выдумщик, насмешник и остролов, умный и находчивый.

Составил сборник юрист Г. Карапетян. Собирать фольклор он начал в 1934 году. За несколько десятков лет записал сотни песен, сказок, анекдотов, загадок и пословиц. В его книге представлен и жанр сказов-загадок, которые впервые переведены на русский язык.

УЛ. КИРОВА, 13

В нашем поселке много мумизматов. Сообщите нам, где достать альбомы для хранения коллекций монет, или научите технологии их изготовления.

В. Бренич, пос. Липканы Молдавская ССР

Как нам сообщили во Всесоюзном обществе филателистов, отечественная промышленность не выпускает клясеров для монет и медалей. Поэтому вам придется изготовить самодельный кляссер.

На прямоугольный лист прозрачного оргстекла наложите второй лист такого же размера, в ко-

тором предварительно вырезаны ряды круглых отверстий по величине монет. В них уложите монеты и прижмите их сверху третьим листом оргстекла. Трехслойный «бутерброд» скрепите по углам. Прозрачный кляссер, в котором хорошо видны и лицевая и оборотная стороны монет, готов.

Навстречу Олимпиаде

ХРОНИКА

В день открытия московской Олимпиады символический олимпийский огонь вспыхнет и на высочайшей вершине Европы — Эльбрусе. Зажгут его участники горного похода, организованного Грузинским республиканским советом по туризму и экскурсиям.

Грузинская ССР

Коллекционеры нашей страны приглашены участвовать во всех европейских смотрах 1980 года, например в тематической международной выставке в Женеве (автофилателия), профессиональной в Люксембурге (филателисты-железнодорожники). Осенью в Будапеште впервые будут показаны все почтовые сувениры СССР, посвященные Олимпийским играм в Москве. А в нашей стране крупнейшей в этом году станет выставка марок «Олимпиада-80». Она будет проводиться в дни спортивного праздника одновременно в Москве и в Таллине.

Инженер Одесского завода поршневых колец В. Фурман — бывший тяжелоатлет. 15 лет он собирает марки об истории спорта и Олимпийских игр. Недавно на всемир-

ЛИТЕРАТУРНЫЕ БОЛЕЛЬЩИКИ

Страстным болельщиком был Лев Кассиль. А его роман «Вратарь республики» оказал самое непосредственное влияние на советский спорт: под его воздействием пришли в футбол, по их собственному признанию, такие всемирно известные вратари, как Анатолий Акимов, Алексей Хомич, Лев Яшин. Большим успехом пользовалась и другая книга Кассиль — «Ход белой королевы», написанная под впечатлением от поездки на зимние Олимпийские игры в Кортина Д'Ампеццо.

Неизменные спортивные болельщики поэты Р. Рождественский

и Е. Евтушенко (примечательно, что его первая публикация была в газете «Советский спорт»), прозаики Ю. Трифонов и Ю. Нагибин, драматурги А. Арбузов и А. Зорин. Разумеется, этот интерес сказывается на их творчестве. Так, Ю. Нагибин — автор сценариев нескольких спортивных фильмов, известны спортивные рассказы Ю. Трифонова, спортивные стихи Е. Евтушенко, Р. Рождественского, А. Вознесенского, К. Ваншенкина. Литераторы не только пишут о спорте. Многие из них участвуют в работе спортивных организаций. Р. Рождественский возглавляет

Федерацию баскетбола СССР, Георгий Свиридов, автор известной книги «Ринг за колючей проволокой», — председатель Всесоюзной федерации бокса, Овидий Горчаков — вице-президент Международной федерации по стрельбе из лука.

Три года назад при Союзе писателей СССР была создана олимпийская комиссия по связи с Оргкомитетом «Олимпиада-80», ее председатель Р. Рождественский. Комиссия устраивает литературно-художественные вечера для строителей олимпийских объектов, встречи писателей с прославленными спортсменами и тренерами. К Олимпийским играм выйдет большой литературный сборник «Эстафета» (стихи, повести, рассказы, песни, исследовательские работы). По инициативе комиссии собирается библиотека с автографами известных литераторов для участников Олимпиады.

Приятного аппетита!

Большинство экскурсоводов этого необычного общественного музея начинали свою трудовую жизнь поварами. Помнят, как плиты дровами топили, как воду водовозы подвозили. Показывая документы и фотографии, хранящиеся в музее общественного питания, они рассказывают о многих любопытных фактах. Например, о том, как московские кондитеры, провожая Отто Юльевича Шмидта в его знаменитый поход, создали настоящее произведение искусства — торт «Пароход «Челюскин»».

Основатель этого единственного в мире музея, заслуженный работник торговли РСФСР Н. Коршунов, консультировавший съемки восьмидесяти кинофильмов, проведет вас по десяти залам музея, пригласит в библиотеку, где собраны книги с рецептами ста кухонь мира, меню советских и зарубежных ресторанов, брошюры по сервировке, этикету, правилам хорошего тона, обратит ваше внимание на любопытный экземпляр — поваренную книгу 1786 года издания.

В разделе кухонной утвари и столовых приборов можно увидеть и кокотиницу для жаренья из особняка Саввы Морозова, и «баранчик» для горячих блюд, и специальные шпички в виде ложки и вилки, которыми едят спагетти. Вряд ли вам удастся еще где-нибудь увидеть традиционную поварскую «тройку» — разделочные

самовары едут в МОСКВУ

Ленинградский тренер пятиборцев Андрей Андреевич Лобанов вырос в семье, где самовары всегда стояли на почетном месте. Их показывали гостям, ими гордились. Дед Андрея — Петр Кондратьевич Лобанов, главный садовод Летнего сада и Марсова поля, любил не только старые тенистые деревья, но и русскую старину, собирал самовары.

Известно, что несколько десятилетий тому назад самовары как бы вышли из моды. Их перестали изготавливать. Становился самовар негодным, его выбрасывали. Когда Андрей Андреевич решил продолжить дело, начатое дедом, ему посоветовали побывать в одном селе, стоявшем на берегу широкой реки. Моста и даже лодки не оказалось. Занятия спортом помогли выйти из положения. Начиная коллекционер пересек реку вплавь и был вознагражден удачей. Он нашел на пустыре выброшенный самовар, почистил, восстановил, и вещь, служившая людям око-

на-79» его коллекция «Черная в спорте» была отмечена серебряной медалью. Примечательно, что собиратель успешно работает и как исследователь филателии. Он автор более 160 публикаций, вышедших в разных странах. Издательство «Физкультура и спорт» выпустило его книгу «Олимпийская филателия».

Одесса

Вы слышали что-нибудь о клубе будущих чемпионов? Он создан в спортивно-оздоровительном лагере «Волна» завода «Волгоцеммаш». Приобретать спортивную спортивную ребят помогают тренеры В. Власов, А. Трактиров, Е. Новичков. Это их ученики Юра Карпов, Сергей Сызганцев, Люба Годунова, Света Моторкина обладают сегодня титулами чемпионов города, области и РСФСР среди школьников по различным видам спорта.

В гости к чемпионам-школьникам нередко приезжают чемпионы-взрослые. Здесь бывают волжане — чемпионки мира по акробатике и прыжкам на батуте Надежда Маслбойщикова и Ольга Старикова, чемпион мира по лыжным гонкам среди юношей Анатолий Иванов, олимпийский чемпион Мюнхена по велосипедному спорту Борис Шухов. Рассказы о пути к победе и преодолении горечи поражения, дельный совет, практический разбор тренировок да и просто встречи — зимой за чашкой чая, летом у костра — помогают ребятам настойчиво штурмовать первые неподдающиеся метры, очки, секунды.

С. Волкова,
Тольятти
Куйбышевская область

В другой деревне приездом сказали, что нерадивая хозяйка бросила прохудившийся самовар в заброшенный колодезь. Пришлось спуститься на восьмиметровую глубину и извлечь оттуда самовар-кухню, лишний раз подтверждая, что хорошую коллекцию создать не так-то легко.

Сегодня у Лобанова более ста самоваров для приготовления чая, кофе и даже обеда из двух блюд. Самовары круглые и пазухи, плоские и многогранные, в форме бочки и яйца; на массивных постаментах и на ажур-

на петушиных лапах, вода льется из разнотного клюва. Самовар «паровоз» движется по столу на четырех колесах, а когда вода в нем закипает, раздается свист, означающий «приглашаем к столу». Самовар-великан вмещает два ведра воды, а самовар-малышка — детскую чашечку. Красно-медные, золотисто-желтые, начищенные до блеска, они восхищают фантазией мастеров, превращая ржавые краны, ручки, подставки в русалок и дельфинов, в головы львов и змей, в хищных птиц и ангелов. По

мее ценности, чем произведения искусства.

Этим летом в Москве на улице Разина Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры открывает выставку самоваров ленинградца Лобанова для участников и гостей Олимпиады-80. Мечта собирателя — создать музей русских самоваров.

А. Кириченко,

Ленинград

КАРТИНКА С ВЫСТАВКИ

Может, улыбки помогут?

Выставка «Олимпиада улыбается», открытая в одном из столичных Домов культуры и техники, необычна потому, что на ней впервые представлены работы карикатуристов-любителей на спортивную тему. Были, правда, специальные выпуски журнала «Крокодил», которые в начале тридцатых годов целиком посвящались спорту. Коллекцию таких журналов хранит у себя заслуженный работник культуры РСФСР, один из организаторов нынешней выставки, художник Ярослав Викторович Титов, в прошлом известный спортсмен. В волейбольной команде Вхутемаса он играл вместе с будущим Кукрыниксами. И, как знать, возможно, именно спортивное увлечение помогло художникам М. Куприянову, П. Крылову, Н. Соколову обрести чувство юмора, стать дружной творческой «тройкой».

А случалось наоборот,

Анатолию Богданову стать чемпионом Олимпийских игр в Мельбурне помог... дружеский шарж. После первого вида троеборья по стрельбе из малокалиберной винтовки он не входил даже в десятку показавших лучшие результаты. Но австралийские болельщики-карикатуристы верили, что в стрельбе стоя Богданову не будет равных. И вот на одной из местных выставок, посвященных Олимпиаде, появился рисунок «Богданов — стальные ноги». О нем и вспомнил советский стрелок, когда готовился к своему решающему выступлению, оказавшемуся победным. «Надо же было оправдать этот «титул» и сдерживать дрожь в коленках», — улыбаясь, объясняет Анатолий Иванович. У двукратного олимпийского чемпиона солидная коллекция не только спортивных медалей, но и олимпийских марок.

Художники попытались

увязать разнообразное увлечение любителей со спортивной тематикой.

Олег Теслер в одном из своих рисунков остроумно стянул общим узлом бокс и вязание. В самом деле, боксеру, который еще и вяжет, гораздо легче за короткий перерыв между раундами успокоить нервы. Может быть, устроители будущих олимпиад увидят в этом рисунке прообраз нового олимпийского двоеборья? А если на соревнованиях по боксу решится выступить участник кукольного кружка, развывает Олег Теслер тому, то с помощью перчаточных кукол, каждая из которых — боксер, спортсмен сможет удвоить свои силы. Другой художник — Борис Федоров предлагает усложнить традиционный клубный аттракцион бег в мешках и создать новый, более спортивный вид — бег в мешках с барьерами.

А победитель нашего

конкурса «Клубок в стране чудиков» Василий Дубов и на этот раз не изменил любимой тематике. Он предложил перед выступлением самодеятельного оркестра провести эстафету бегунов, которые доставят руководителю коллектива дирижерскую палочку...

Т. Приходько,
Москва

ножи и специальные ножнах. В специальные

ножи и специальные ножнах. В специальные... А вот за, опережающий события, рассказывающий о том, как советские кулинары встретят гостей Олимпиады. Красивая, разноцветная посуда. Новые бумажные халаты для обслуживающего персонала выглядят элегантно, причем их можно стирать и гладить. Специально к Олимпиаде пивовары разработали новый рецепт пива — «Золотое кольцо». Оно будет выпускаться в изящной упаковке. С пробным экземпляром уже можно познакомиться, так же как и с меню, которое ждет туристов. В нем большой выбор кушаний национальных кухонь союзных республик, традиционные блюда народов разных стран.

Ф. Марьяхина,
Москва

ШУТКОТЕНА

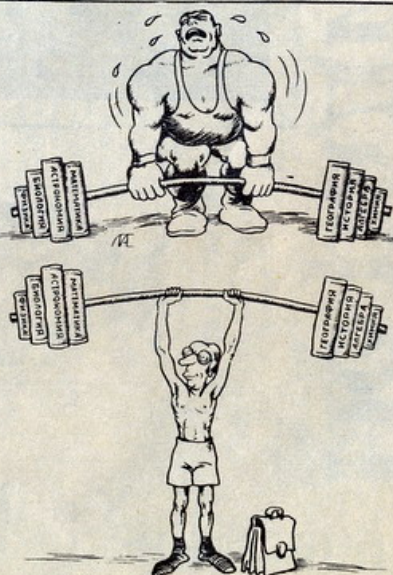
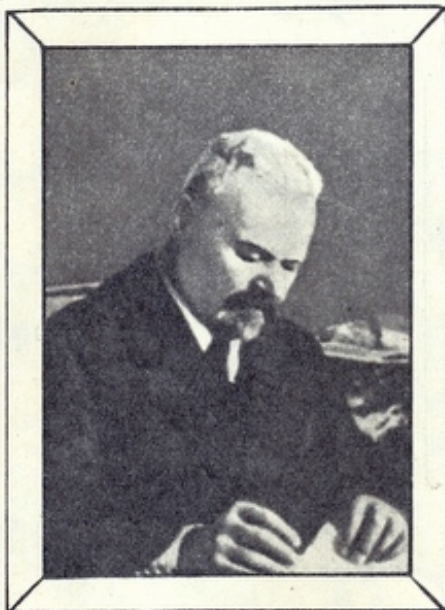

Рис. Л. Гуляева и А. Соффера (Москва).

ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ

Не ради славы...

Т. САВЕРСКАЯ,
журналистка

На службе

Поздравления, телеграммы. Оvation. Свою ответную речь Иван Дмитриевич Сытин от волнения не сразу смог начать.

— Я никогда в жизни не говорил при такой большой аудитории. Даже в самой маленькой я стесняюсь и боюсь, что едва ли что-нибудь смогу сказать. То, что говорили ораторы, это не совсем верно. Я всю жизнь прожил как праздник. Каждый день моей жизни был настоящим торжеством, великолепным духовным праздником. Это потому, что наша интеллигенция, наши писатели, наши художники, с которыми я работал, всегда готовы идти навстречу народу... Не мой сегодня праздник, а ваш...

Но праздник был, конечно же, его — крупнейшего русского издателя, и праздник заслуженный. В феврале 1917 года общественность России отметила 50-летний юбилей издательской деятельности Сытина. Праздновался он широко, речи произносились самые лестные. Ораторы превозносили юбиляра за тот огромный вклад, который внес он в дело народного просвещения... Говорили, что он верный слуга народа...

Но сколько подобных репутаций обра-

тилось в прах всего через несколько месяцев — после Октябрьской революции. Сколько либералов, готовых на словах идти с народом, оказалось в стане врагов революции или среди тех, кто, спасая капиталы, ринулся за границу...

— Вы Сытин? — в контору Ивана Дмитриевича вошел Т. Т. Енукидзе. Представился: — Назначен руководить типографией. Согласно декрету о печати ваша газета «Русское слово» и типография, в которой она печатается, подлежат передаче в ведение государства.

Сытин подчинился. Но без дела не остался. Помогая новому заведующему, откровенно делился богатейшим опытом. Безучастным не был. Не мог смотреть, как на ломовиках привозят во двор типографии рулоны бумаги, потом катят их по булыжнику, цепляя крюками и ломом — ведь дождь, грязь... Пошел к заведующему типографией, попросил съездить вместе с ним в свой бывший «отдел по бумаге». Приехали. Сытин взял метлу, расчистил рельсы. И через неделю бумагу уже подвозили на поездах.

Сытин поступил бесплатным работником на свою бывшую книжную фабрику и каждый день в 7 часов утра выходил из дома, что расположен был рядом со

Страстным монастырем (ныне площадь Пушкина), пешком шел на Пятницкую и возвращался только к вечеру, после окончания трудового дня. Бесплатный работник, инструктор, подотчетный исполнитель заказов.

В начале 1920 года Всероссийский Совет народного хозяйства направляет Сытина в Германию — на переговоры о концессии для бумажной промышленности, позже по заданию Наркоминдела Иван Дмитриевич едет в США — помочь организовать выставку русских художников. По возвращении в Москву ему предложили стать руководителем небольшой типографии. Он согласился: «Я не хотел уходить от дела. Хотя маленькая, да типография...» «Не хотел уходить от дела...» — а ведь в феврале семнадцатого, после своего юбилея, мечтал удалиться от всех дел, об этом говорил с Н. Телешевым. Чем вызвана такая перемена?

Да, он принял революцию, новую жизнь и ее порядок. Не стоит, однако, идеализировать, будто сделал это бывший миллионер с необычайной легкостью. Но для него труднее, чем расстаться с миллионами, было остаться в стороне как раз тогда, когда то, о чем он мечтал, начинало сбываться. Ведь

дело народного просвещения получало государственный размах.

Он возглавил одну, а затем и вторую маленькие типографии, где «не было ни одной машины без музыки», шрифт страшно стар, да и того не хватало.

Как важно человеку, особенно человеку преклонных лет, чувствовать себя нужным, очень нужным — людям, Родине. И как радостно, когда есть чем помочь, — знаниями, опытом. Помочь молодому государству рабочих и крестьян. Сытин был из числа тех старых специалистов, учиться хозяйствовать у которых, использовать их знания призывал В. И. Ленин.

Да и можно ли быть наблюдателем, когда Родине трудно, — кольцо интервенции, гражданская война, разруха?.. И он «работал и верил, что дело направится». Он стал рядовым советским служащим, потому что был народным просветителем по духу и делу.

Происхождение — из крестьян. Родился в 1851 году в селе Гнездинове, Костромской губернии, Сригалинского уезда. Отец его — волостной писарь. Выросшему в крестьянской среде, Сытину не пришлось, как многим, даже выдающимся, представителям интеллигенции конца XIX — начала XX века, преодолеть пропасть, разделявшую в то время большую часть интеллигенции и народ. Он знал жизнь народа, без труда находил общий язык с кочующим племенем офеней*. «Отношение их к Сытину основывалось на доверии, — свидетельствовал работавший у Ивана Дмитриевича рисовальщик В. Соловьев, — и частенько приходилось слышать, как офеня, обращаясь к Ивану Дмитриевичу, говорил: «Мне нужно товара на сто или двести рублей, ты уж подбери мне книги и картины, пожалуйста, получше, ты ведь лучше знаешь, что мне надо». И это не было лестью. Многие офени читать не умели. Зато умели — да еще как! — рекламировать свой товар. Вместе с посудой, ситцем, галантерейной мелочью они с шутками-прибаутками торговали и книгами. В деле Сытина офени сыграли важнейшую роль. С каждым из них Иван Дмитриевич старался обязательно поговорить о том, где какой товар идет лучше. Без этого коммерция немислима. Сытин знал спрос, потому что со старанием изучал потребности и вкусы народа. Однако не для того, чтобы успешно торговать чем ни попадя. Вслед за Н. А. Некрасовым он мечтал о том времени, «когда мужик не Блюхера и не милорда глупого — Белинского и Гоголя с базара понесет...»

Однако не сразу, не вдруг завладела эта мечта его умом и сердцем. Сам-то ведь он тоже начинал с «глупого милорда».

„Лучше Гоголя не напишете...“

Вдоль стены Китай-города, у Ильинских ворот, находился Никольский рынок, на котором в мелких лавках и палатках продавали книги и лубочные картинки. На этом рынке торговал и Сытин. Здесь 1 января 1883 года он открыл небольшую книжную лавочку, а уже через месяц состоялось учреждение товарищества «Сытин и К». На первых порах издательство в основном выпускало лу-

бочные картины и лубочные народные книги.

Лубок (от лубяного короба, в котором офени носили свои товары) был известен уже в XV веке. Картинка и текст. Лубок был бесхитростен, но «философствовал» на темы, занимавшие человека во все времена: жизнь и смерть, богатство и бедность, добро и зло. Откликался он и на злобу дня. В те давние годы лубок, лубочная картинка да и сами офени были единственным источником информации для большей части населения, они несли вести в самые глухие уголки России.

Сытинские лубочные картины выгодно отличались от конкурирующих как по оформлению, так и по содержанию. Он выпустил серию портретов русских писателей-классиков: Пушкина, Некрасова, Никитина, Кольцова... Лубки на темы военных и исторических событий, сказок, песен, бытовые и сатирические. «Эй, микадо, будет худо, перебежим твою посуду!» (текст В. Гиляровского) — шла русско-японская война, картина получила название «Боевая песенка донцов».

В это же время, помимо картин, компания печатала народные книги, которые во множестве «пеклись» на Никольском рынке. «Авторами Никольского рынка были недоучившиеся семинаристы, пьяницы-чиновники, неудачники всех видов». Кто теперь помнит имена Миши Евстигнеева, Коли Миленького, Суворова, Кузнецова? Бесхитростный труд этих литературных нищих оплачивался от трех до пяти рублей за рукопись.

Никольский рынок покупал рукописи на глазок. Не читая. «Возьмет купец в руки роман или повесть, посмотрит на заглавие и скажет: «Страшный колдун, или Ужасный чародей»... что ж, заглавие для нас подходящее. Три рубля дайте».

Авторы занимались перелицовкой, вольным пересказом произведений, написанных известными писателями. Так «Вий» Н. Гоголя в продукции Никольского рынка назывался «Три ночи у гроба». Не обходилось и без прямого плагиата. Иван Дмитриевич вспоминал: «... за два дня до рождества ко мне в лавку зашел молодой человек или, точнее сказать, мальчик лет четырнадцати-пятнадцати. На дворе было холодно, а молодой человек был одет не по сезону...»

— Что прикажете, молодой человек? — спрашиваю я.

— Вот не купите ли у меня рукопись? Озябшей, синей от холода рукой он протянул мне рукопись. Я взял, развернул... «Страшная ночь, или Ужасный колдун...»

Сытин купил рукопись у молодого человека, который оказался из училища студентом, и отдал ее в набор.

«...Через некоторое время прибегает ко мне встревоженный корректор и говорит:

— Иван Дмитриевич, как бы чего не вышло с вашим «Ужасным колдуном».

— А что такое?

— Да ведь это, — говорит, — повесть Гоголя «Страшная месть». Непременно отвечать будете... надо переделать.

На счастье, вскоре пришел и мой молодой человек, и мы мирно... покончили наше недоразумение.

— Ежели хотите, Иван Дмитриевич, я все могу переделать.

— Нет, — говорю, — все-то не надо, лучше Гоголя не напишете, а страниц десять переделайте по-новому, чтобы скандалу не было».

Сознавал ли в то время Сытин, какова истинная цена издаваемой им продукции? «Все изъязы Никольского рынка я очень хорошо видел. Чутьем, догадкой я понимал, как далеки мы были от настоящей литературы», — признавался он. И не судите строго. В пору Никольского рынка умная, интересная книга для народа была редкостью.

„Мужицкий вопрос“

Кто только не решал тогда модный «мужицкий вопрос»? Народники и разделяющие их взгляды некоторые видные писатели считали, например, что мужик не может понять высокие образцы художественной литературы. И поэтому «старший брат» — интеллигенция — должен учить «меньшого брата» — мужика.

Велись упорные споры, что читать простому народу. Литература, созданная до сих пор, не годится для масс. Надо создавать новую, мужицкую, народную литературу. Так говорили и думали многие передовые люди России. Русская литература «... так же, как и откупа, есть только искусная эксплуатация, выгодная только для ее участников и невыгодная для народа». «У нас есть «Современник», есть «Современное слово», есть сочинения Пушкина, Гоголя, Тургенева, Державина. И все эти журналы и сочинения, несмотря на давность существования, неизвестны, не нужны для народа и не принесут ему никакой пользы», — категорически считал, например, Л. Н. Толстой в шестидесятые годы.

Очень близко к этой яснополянской точке зрения стоял одно время и публицист Н. К. Михайловский. «У нас, — утверждал он, — часто называют Пушкина общечеловеческим поэтом. Это замечательно неверно. Пушкин есть поэт по преимуществу дворянский, и поэтому его способен принять близко к сердцу и образованный немец, и образованный француз, и средней руки русский дворянин. Но ни русский купец, ни русский мужик ему большой цены не дадут» (журнал «Русское богатство»). А Иван Дмитриевич Сытин издал Пушкина и Гоголя сотысячными тиражами и издания разошлись с замечательной быстротой и с блестящим успехом. «Совершенно очевидно, — утверждал Сытин, — что если бы Пушкин и Гоголь не были близки и понятны русскому народу, то он не расходовал бы 200 тысяч книг в короткое время». Конечно, такому успеху способствовала и доступная цена — восемьдесят копеек за собрание сочинений Пушкина и пятьдесят копеек за собрание сочинений Гоголя.

Между тем целое поколение русских литераторов было занято «шитием прогрессивно-крестьянских сапог», то есть созданием некоей специальной литературы для мужика. При этом никто не спрашивал, хочет ли мужик учиться, чему и у кого, и все его учили. Как всякий читатель, мужик ждал от книги интересного чтения, а его поучали. Вместо писателей к нему пришли проповедники и требовали от него терпения, непорочности и покаяния. Названия издаваемых книг и те наставляли: «Не гонись за большим — малое потеряешь», «Чужое добро — одно страдание да гибель» и т. д. Даже толстовские книги для народа, по свидетельству офеней, особым успехом не пользовались. Сотрудничество же Сытина с Толстым, а точнее, с издательством «Посредник» началось

* Офени — бродячие торговцы, разносившие или развивавшие по деревням лубочные картины и другие товары.

так: в ноябре 1884 года в сытинскую лавку на Старой площади зашел красивый молодой человек и сказал: «Моя фамилия Чертков. Я бы хотел, чтобы вы издали вот эти книги», и он выложил три тоненькие книжечки, изданные Петербургским комитетом грамотности, и одну рукопись. Это были толстовские «Чем люди живы», «Два старика» и «Христос в гостях у мужа» Н. С. Лескова. Было заключено соглашение. Первая серия книг шла бесплатно.

Совместная работа И. Д. Сытина с В. Г. Чертковым продолжалась пятнадцать лет. Л. Н. Толстой принимал самое деятельное участие в делах «Посредника», вносил ценные указания и поправки. Часто бывал в книжной лавке у Ивана Дмитриевича, беседовал с ним, с офеями, которые в свою очередь пытались наставить великого проповедника на «путь истинный»: «Пишите-ка, Лев Николаевич, книжечки пострашнее». Специальную, поучающую, мужицкую литературу народ не принял. «Необразованный, темный, неспособный» последний грош он тратил не только на «Атамана Ивана Кольцо», на Бову-королевича, но и на Пушкина, на Гоголя!

«Мой издательский опыт и вся моя жизнь», — писал Сытин, — утвердили меня в мысли, что есть только два условия, которые обеспечивают успех книги: очень интересно и очень доступно».

Казалось бы, этот горячий некогда спор давно уже решен, и прежде всего книжно-торговой деятельностью Сытина. Однако только после Октября, в наше советское время, великое классическое литературное наследие смогло стать достоянием самых широких масс трудящихся. Мечта осуществилась. В чем же актуальность поднимающихся тогда вопросов? По сути, в горниле того спора, в обсуждении частной проблемы выковывался новый методологический подход к решению общих задач просветительства, отработывались первые методические принципы и приемы пропаганды книги и шире — культуры. Этим интересен нам сегодня тот давний спор и опыт просветительской деятельности Сытина. Ведь для реализации идеи «книга (знания) — народу» он создал свою, сытинскую, систему. Она не была научно обоснована, исходила скорее из практического опыта, но отличалась последовательностью и трезвостью расчета. Основные принципы этой системы: 1) изучение спроса, вкусов и потребностей народа; 2) удовлетворение читательских потребностей — формирование привычки к чтению; 3) формирование потребности чтения классической литературы с помощью дешевых изданий, оформленных лучшими иллюстраторами; 4) издание книг сериями, библиотечками — одна книга может и затеряться, вдруг не заметят? Но если понравится одна книга, то потянутся и к другим из этой серии или библиотеки. Такой «серийный» подход создает предпосылки и для систематизации знаний; 5) доступность книги, которая благодаря сытинским офеям (позднее представителям отделений издательства) попадала даже в самые отдаленные деревни.

В том споре Сытин открыл для себя и еще одну истину: «... для книги нужна опора в виде внешкольного просвещения народа. Народный театр, воскресные курсы, литературные вечера, лекции, выставки, музеи и даже кинематограф — вот что повышает в народе спрос на книгу». Тогда он и мечтать не мог

о десятках тысяч клубов и библиотек, существующих сегодня.

Неутомимый труженик

Деятельность Сытина была столь многогранна и всеобъемлюща, что практически нет ни одной области в книжном деле, где он не попробовал своих сил и не принес пользы. Целью его никогда не были только барыши. Так, издав собрание сочинений Гоголя, он с трудом покрыл издательские расходы. «Пусть так», — говорил Иван Дмитриевич, — но зато как красиво: весь Гоголь за 50 копеек».

«Удивительный капиталист» — в пору, когда многие его собирали по классу и «цеху» не останавливались ни перед чем ради наживы, он пускался в абсолютно невыгодные предприятия. Согласился купить за 300 тысяч рублей литературное наследство Л. Н. Толстого (без права собственности). Благоразумный издатель интеллигентнейшей «Нивы» — Маркс, которому вначале В. Г. Чертков отдал предпочтение, отказался, а он, Сытин, взял да и подписал договор на тех же условиях, что были предложены Марксу. Зачем? «Я принял предложение наследников только потому», — объяснял этот «неразумный» свой шаг И. Д. Сытин, — что считал долгом издательской совести помочь комитету распутать все узлы, завязавшиеся вокруг яснополянской земли.

Мы все так бесконечно много были обязаны Льву Николаевичу, что не прийти на зов его наследников было бы делом самой черной неблагодарности».

Бездоходным для товарищества было и издание календаря — своеобразной домашней энциклопедии для народа. А ведь выпускался он громадными тиражами — до 8 миллионов в год.

Чем объяснить эту странность капиталиста — его многочисленные бездоходные начинания? Той целью, которую он поставил перед собой: умножение духовного богатства народа, преодоление пропасти, разъединявшей людей на образованных и необразованных. Он был из «необразованных» и не из книжек, а из собственного детства знал, что такое нужда, черный день, горе. Знал, как трудолюбив и талантливы народ.

Давно прошло время, когда, особо не задумываясь, успешно торговал он ширпотребом Никольского рынка. Чем больше читал Сытин великих русских писателей, которыми так богат был XIX век, чем теснее сходил с замечательными своими современниками, тем более возгорался идеей народного просвещения и осуществлял ее на практике. Все сытинские издания классиков раскупались. Но по России с размахом гулял все тот же аглицкий милорд в компании с лихими разбойниками и страшными колдунами, в их ряды становились и свежеспеченные герои бульварных романов, с экранов только открывшихся синемаграфов сходили жертвы немисланных мелодрам. Дельцы от культуры, не стесняясь своей продукции, грели руки барышами. Их не мучила боль за народ. В них была только высокомерная уверенность в дозволенности духовного развращения. Высокое искусство? Оно непонятно плебеям. Им «остренькое» подавай. В сахарном сиропе, в соусе сентиментальности, с гарниром секса — выбор блюд массовой культуры в мире капитала и сегодня чрезвычайно разнообразен.

Многим казалось, что Сытин жил легко. Так ли уж легко? Вот несколько штрихов

из его издательской биографии.

Революция 1905 года. По приказанию адмирала В. Дубасова, стоявшего во главе московской администрации, был дотла сожжен новый фабричный корпус «Товарищества». «Керосин, пожарные, поджигающие факелами книги, и солдаты, не позволяющие тушить огонь» — наказание за то, что именно сытинские фабричные были первыми на баррикадах, да и не только за это. Сам он казался слишком «странным» капиталистом.

Многие его начинания не находили ни сочувствия, ни отклика у правительственных чиновников, призванных заниматься делом народного образования. Так, из всех учебников, изданных «Товариществом» начиная с 1887 года, только 60 процентов были допущены до учащихся. Не без «помощи» министерства народного просвещения и цензуры, конечно...

Еще один удар нанесло Сытину военное министерство. С 1911 по 1915 год «Товарищество» подготовило к печати и издало 19 томов военной энциклопедии. Но этот труд «почил в бозе». Военный министр Сухомлинов одобрил «не изволили». «Военной державе в военное время не пригодились военные знания. Можно ли было пойти еще дальше по пути самодурства и безответственной глупости», — негодовал Сытин... «Пять лет труда и несколько миллионов рублей пропали даром».

И тем не менее эти неудачи не подорвали дела. В 1915—1916 годах издательство Сытина давало свыше 25 процентов всей книжной продукции России. Пик коммерции, пик славы. Но не ради славы хлопотал он об учреждении общества «Школа и знание». («Мы хотим создать широкую школьную сеть на всю Россию. Начальная народная школа, и при каждой школе библиотека»). Не ради славы платил долги Русского библиографического общества при Московском университете...

Мы оцениваем Сытина как подлинного просветителя-организатора. И хотя просветитель писал... с грамматическими ошибками, зато никогда не ошибался в главном — в определении цели своей жизни и выбранное раз и навсегда дело знал прекрасно.

«Иван Дмитриевич — гений», — говорили о Сытине, по свидетельству писательницы М. В. Ямшиковой (известной в начале века под мужским псевдонимом Ал. Алтаева), современники. «Ведь неграмотный почти, а что раздвигает! У него чутье вернее, чем гири в аптеке. Принесут ему книжицу, том — на вес, страшно даже... И содержание мудрое, по зубам высококультурному, а он возьмет на руку, тщательно полистает, подумает минутку, прищурится так и изречет решительно: «Эту книгу печатать скорее, в скольких-то тысячах экземпляров». — «Как, Иван Дмитриевич... да ведь книга более сорока листов, а вы эту цифру закатали... Не ошиблись ли?» Он только усмехнется и в ответ: «Нет, не ошибся, милый человек, книга пойдет, хорошая книга». И что же бы вы думали — никогда не ошибется!»

Неутомимый труженик. Чем завораживал и привлекал он лучших людей своего времени? Деятельным служением народу. Щедростью сердца и ума. Необразованный, из крестьянского сословия, он поднялся до самых высот понимания культуры, знал нужды народа, его чаяния и мечтал, чтобы в каждом доме была книга.

ПРОФЕССИЯ:
КОМПОЗИТОР

Имя композитора Александра Зацепина прочно связано с кино. Начав в 1957 году с фильма Казахской студии „Наш милый доктор“, он написал за двадцать три года музыку к семидесяти одной картине, в том числе таким популярным лентам, как „Двенадцать стульев“, „Бриллиантовая рука“, „Красная палатка“, „Кавказская пленница“, „Иван Васильевич меняет профессию“. Среди недавних работ Зацепина отметим песни и музыку для телевизионного фильма „31 июня“, который зрители увидели в канун 1979 года по Центральному телевидению. Как показала наша анкета „9 > 3“, песня „Ищу тебя“ из этого фильма стала второй в списке популярных песен года. Имя Александра Зацепина очень многие из

наших читателей назвали в числе „молодых советских музыкантов... и композиторов, с которыми хотелось бы встретиться на страницах журнала“.

То, что Зацепина считают молодым, вполне естественно: его песни представляют собою танцевально-молодежное, роково-дисковое крыло нашей легкой музыки. Удивительно лишь одно: год рождения Зацепина 1927-й, а первая из популярных песен Александра Сергеевича „Надо мною небо синее“ в исполнении Ермека Серкебаева появилась тогда, когда большинство его поклонников еще не успело появиться на свет.

И вот сегодня наш корреспондент Арк. Петров в гостях у композитора в его квартире, которую так и хочется назвать квартирой-студией.

— В юности я очень любил радиотехнику, все время что-то собирал, монтировал — радиоприемники, усилители, проигрыватели. Окончил Новосибирский радиотехнический институт. Потом снова стал студентом — поступил в Алма-Атинскую консерваторию, в класс композиции. Писал все, что полагается по консерваторской программе — вариации, камерные пьесы, квартеты, балеты (один из них в течение многих лет шел в местном оперном театре). А потом увлекся джазом, песнями и эстрадой. В 1957 году вышел первый полнометражный фильм с моей музыкой, и с этого момента я «вошел» в киномир. Постепенно я понял, насколько удобнее работать не в радио или грамстудии, где вечно ощущается нехватка времени, а у себя дома. Стал подкапывать аппаратуру, и за пятнадцать лет собрал ее достаточно, чтобы делать высококачественные записи в домашних условиях. Моих режиссеров это устраивает. У меня свой проектор, и, отсняв очередной кусок, режиссер просматривает его прямо здесь, а я тут же предлагаю ему варианты своего музыкального решения.

Иногда сразу же придумываю какую-либо музыкальную тему или эпизод и тут же вчерне записываю его на рояле или органе. Мы сразу же слушаем то, что получилось, совмещая звукозапись с изображением на экране. Бывает, что решение мне подсказывает режиссер, но случается, что и он идет за уже готовой музыкой; а бывает так, что музыка толкает его на перемонтаж уже готовой сцены. В конце концов мы находим оптимальное решение. Тогда я сажусь за письменный стол и пишу партитуру для оркестра...

— Александр Сергеевич, мне кажется, что где-то четыре-пять лет тому назад в вашем музыкальном языке началась перестройка. Работы последних лет говорят о вашем стремлении учитывать вкусы молодежной аудитории, использовать все новейшие достижения современной популярной музыки в области гармонии, ритмики и инструментария...

— Вы знаете, все началось с какого-то случайного разговора с дочерью. Одажды (она тогда была в десятом классе) я спросил ее, нравится ли ей и ее

друзьям моя музыка из фильма «Земля Санникова»? Надо сказать, что эта партитура казалась мне весьма современной. И вдруг услышал неожиданное: «Извини, папа, музыка хорошая, и ребятам нравится, но, понимаешь, она скорее для людей постарше, там нет того, что близко именно нам...» Такое заявление, честно говоря, меня очень задело и я решил поточнее выяснить, что же у них, десятиклассников, считается «своим». Оказалось, что из советских авторов — песни Юрия Антонова (дело происходило в 1975 году), а также песни современных зарубежных поп-ансамблей: польских, венгерских, английских. И я попробовал понять, в чем же их притягательность, стал слушать эту музыку, все подряд, начиная с «Битлз». Многие мне в ней не нравились, какие-то вещи казались примитивными, отталкивали. Но были в ней и чисто музыкальные «изюминки» — необычные сопоставления аккордов, новая ритмика, наконец, много интересного в вокале, в оркестровке. Постепенно и сам стал пытаться писать в этом же плане. Сначала выходило топорно — я еще не умел

мыслить гармоническими схемами поп-музыки, получалась какая-то смесь старого с новым. Впервые я попытался заговорить на этом непривычном для себя языке в фильме «Между небом и землей»; на запись пригласил Аллу Пугачеву, Валерию Ободзинского и ансамбль «Ариэль». Потом были фильмы «Центровой из поднебесных», «Отважный Ширак», «Фантазия Веснухина». В общем, я овладел новой стилистикой, но не раньше, чем написал в этом духе около пятидесяти песен. Это была полезная практика и помогло мне как раз кино — оно заставляет работать быстро, жестко укладываться в отпущенные сроки. Потом были еще песни в фильмах «Повар и певица» и «Женщина, которая поет» — эти работы в какой-то степени предваряли «31 июня».

Вы правы — я искал новую молодежную аудиторию, и, как мне кажется, нашел ее. Но зато, вероятно, потерял часть своих прежних слушателей. Я прихожу на радио, на телевидение, и мои старые знакомые, музыкальные редакторы, говорят: «Почему ты пишешь песни в ритме диско? Помнишь, какие хорошие песни были у тебя раньше? Например, «Песенка о медведях» из «Кавказской пленницы» и другие — в том же духе, яркие и простые!..» Смешно: ведь прежде они как раз ругали меня именно за «Медведей», за использованный там ритм твиста...

— Когда телевидение передало «31 июня», то невольно подумалось: вот, наконец, та современная советская поп-музыка, о которой мы столько говорили, создания которой ждали, современная по форме и наша, советская, русская по интонационному, мелодическому ряду...

— Я работал над музыкой к этому фильму с удовольствием, хотя сроки были очень сжатые: двадцать номеров нужно было сочинить и записать за два месяца. Работал, что называется, без выходных — с девяти утра до часу ночи. Две ночи вообще не спал — пришлось писать партитуры и оркестровые партии, другого выхода не было. Конечно, более спокойный темп позволил бы избежать в картине некоторых явных драматургических огрехов; сейчас, понятно, говорить об этом поздно. Наиболее известная песня фильма («Ищу тебя») написана в ритме диско, ритме, так сказать, интернациональном. Но вот интересно, что за границей, например в Швеции, где эта вещь стала довольно популярной и вошла в местный хит-парад, песню «Ищу тебя» восприняли как чисто русскую по интонациям. У себя дома мы этого порой не замечаем, но, как говорится, со стороны, наверное, виднее.

— Песни из телефильма принесли популярность также ряду молодых исполнителей...

— Да, и первым среди них я должен назвать прекрасный ансамбль Московского театра имени Ленинского комсомола — группу «Аракс». Затем — Яка Йоалу. Я как-то услышал его в одной телепрограмме — этого было достаточно, чтобы пригласить этого талантливого артиста на запись. Яка Йоала исполнил в картине целых четыре песни. С Татьяной Анциферовой меня познакомили мои друзья, музыканты из Харькова. Позвонили однажды и сказали, что в их городе живет молодая одаренная певица. Я воспользовался советом и пригласил Таню в гости; она показала мне все,

что умеет, помню, что пела в основном украинские народные песни... Вроде бы ничего особенного, но в одной из песен у нее «прорезался» какой-то необычный, очень экспрессивный тембр. В конце концов я решил пригласить Анциферову и, как оказалось, не ошибся. Вообще-то, эксперименты с новичками всегда рискованны — ведь если молодой певец или певица показывает себя на песнях, уже «сделанных», интонационно «выстроенных» другими артистами (нашими или зарубежными), то не всегда можно сразу разобраться, способен ли он дать что-то свое, петь от себя, от своего «я». Все решает именно работа на новом материале. И не каждому это удается. Таня Анциферова смогла, хотя, конечно, были пробы, поиски, и далеко не все получилось сразу.

Пела в этом фильме также и Жанна Рождественская, которую я считаю одной из самых одаренных наших артисток. Она владеет джазовым стилем, может петь лирические песни и мелодии в латиноамериканских ритмах, может подавать песни речитативно-актерски... В то же время такая широта, на мой взгляд, пока мешает ей остановиться на чем-то одном и углубить раскрыть, разработать это направление.

— Расскажите, пожалуйста, как вы осуществляете запись музыкальных произведений. Например, как записывалась музыка к «31 июня»?

— Я считаю звукозапись, понимание ее нюансов одним из самых важных компонентов современной композиторской профессии. Сейчас композитору уже мало написать хорошую партитуру, и даже мало найти хороших певцов, инструменталистов и дирижера. Ему еще надо сделать хорошую запись. Ведь сегодня, в эпоху господства средств массовой коммуникации, преобладающая часть музыки распространяется не в живом звучании, а в виде записей. Хорошая запись в значительной мере усиливает воздействие музыки, плохая может все загубить на корню.

Сердце, пульс современной эстрадной песни или пьесы — это ритм. К сожалению, у нас на качество записи ритм-секции не обращают должного внимания. Барабаны часто звучат нечетко, смазано. Этим грешат даже пластинки «Мелодия», не говоря уже о записях радио и ТВ. А ведь барабаны — это основа! Я начинаю всегда с записи ударных. Готовим установку (3 том-тома, малый и большой барабаны, хай-хэт и тарелки), причем на каждый инструмент приходится отдельный микрофон. Тщательно настраиваем барабаны — то подтягиваем кожу, то отпускаем, иногда заглаживаем какими-нибудь прокладками, долго ищем оптимальное расположение микрофонов. Это сложная работа, и когда барабаны настроены, я стремлюсь уже ничего до конца записи не менять и не передвигать. Затем начинается собственно запись. Как правило, ударник играет с бас-гитаристом и исполнителем на фендер-пиано, но записывается только его партия. Либо оба сопровождающих инструмента пишутся каждый на свой отдельный канал (используется 8-канальная аппаратура или, лучше, 16-канальная). Если, скажем, бас-гитарист в каком-то пассаже ошибся, то этот кусочек можно переписать, введя маленькую, всего в несколько нот, «заплатку».

Повторяю, главное — запись барабанов.

Кое-что тут зависит от самих инструментов — конечно, «Людвиг» всегда будет звучать немножко лучше «Премьера», а тем более «самодельной» системы, но в конечном итоге важнее всего класс исполнителя. Все зависит от его умения наносить удар, от атаки звука. Если удар вял, неактивен, то кожа барабана вибрирует, а самого удара словно бы и нет. И вот эта разница — 10 миллисекунд (при хорошем ударе) или 20 миллисекунд (при вялом) — очень важна. Особенно для записей ритмов стиля диско.

То же самое с бас-гитарой. Звук должен быть упругим и полным и в то же время активным. Есть прекрасные бас-гитаристы, например Сергей Рудницкий из «Аракса»: прекрасный звук и правильная атака.

Если записана ритм-секция, можно начинать наложение других групп. В каком порядке — все равно. Можно начинать со струнных, потом добавлять духовые, синтезаторы, а можно делать все наоборот. Голос певца пишется обычно в самом конце, хотя у меня был случай, когда Алла Пугачева напела песню под аккомпанемент одних ударных инструментов (на другом канале, правда, я вчерне наметил на рояле основные гармонии песни).

Ну вот — первичная запись закончена. Но это лишь полдела. Начинается чрезвычайно ответственный этап: сведение всех каналов в единую версию. Важно знать, что у тебя главное, что второстепенное. При этом ничего не хочется упустить, хочется сохранить все подголоски, контрапункты, всю паутину ритмов мелких ударных и снабженных разными педалями гитар. Здесь тоже существуют свои моды, которые, как все моды и поветрия, время от времени меняются. Если раньше, безусловно, доминировал голос певца, то в последние годы сведение делается так, что вокал становится равноправным компонентом — голос записывается, скажем, на уровне большого барабана и выделяется лишь за счет иного регистра и тембра.

Почему столь большое внимание надо уделять подобным, казалось бы, мелочам? Мне кажется, что новое поколение слушателей уже не удовлетворено старым звучанием, когда в песне четко различим лишь мелодический голос, а инструменты сопровождения сливаются в какой-то общий фон. Сегодняшнюю молодежь интересует, как «сделан» аккомпанемент: что играет басист? каков тембр синтезатора? какая гармония? То есть, молодежь пытается проанализировать музыкальные структуры, разобраться в них. И это хорошо! Сегодняшний слушатель, я бы сказал, стал более тонким и знающим.

— Александр Сергеевич, а какие синтезаторы использованы вами при записи музыки к «31 июня»?

— Это «АРП-Одиссей» и «Мини-муг», а также электрический рояль Фендера и «Хонер-клавинет». Кроме того, у меня использован меллотрон собственной конструкции, который дает звучание струнного оркестра и голосов вокальной группы. По существу, это как бы два магнитофона по 24 канала каждый (24 + 24 = 48). В октаве, как известно, 12 звуков, то есть 48 каналов дают диапазон в четыре октавы. На каждом канале — одна нота, записанная хорошими скрипачами и виолончелистами. Казалось

бы, наиграть четыре октавы несложно, но нужно было очень точно интонировать, незаметно, не прерывая звука «менять смычки» (каждая нота длилась по 12—13 секунд). Сначала запись производилась на обычную узкую ленту, потом на широкую — на каждый канал своя нота. При этом я даже умудрился подчистить огрехи в интонациях, если какой-то звук был неточен, звучал чуть выше или чуть ниже, — я изменял скорость магнитофона (медленнее, скорее). Точно так же я записал голоса певцов (Татьяны Анциферовой и Феликса Красиловского), певших то с закрытым ртом, то на различные гласные. Сейчас я использую меллотрон очень широко, это многоголосный инструмент с клавиатурой, на нем можно играть в любых темпах. Кроме того, можно использовать разные технические трюки. Например, играть на октаву ниже и в два раза медленнее — потом, при переключении на нормальную скорость, получается какое-то совершенно неожиданное звучание струнных, причем тембр скрипичной группы сохраняется, запись не «буратинит».

— Александр Сергеевич, мне хочется спросить вас. Вот вы много говорили о технизации труда современного композитора, о появлении новой аппаратуры. Скажите, не изменилась ли в связи с этим сама профессия композитора? Ведь во времена Моцарта не существовало синтезаторов и многоканальной звукозаписи. Сегодняшний композитор как бы отчасти становится инженером...

— Конечно, современный композитор знает множество таких вещей, которых не существовало не только во времена Моцарта, но даже во времена Бартока и Стравинского. Новый инструментарий и условия студийной работы действительно многое изменили. И мы, современные композиторы, обязаны во всем этом разбираться, а следовательно, знать законы физики, акустики, механики, уметь хотя бы элементарно владеть ударными, электронно-клавишными инструментами. Мы должны уметь предвидеть все будущие этапы своей работы. Но принципиальной разницы нет, композитор — это все тот же человек, в душе которого рождаются музыкальные образы. Правда, иногда говорят, что современная, управляемая компьютерами звукоаппаратура начинает как бы «играть сама», без человека. Но это, несомненно, большое преувеличение — без человека любой синтезатор не больше, чем кусок металла.

— А сейчас — несколько слов о песнях, которые мы предлагаем читателям в рубрике «Репертуарные листки»...

— Первая песня — «Молодость», исполняет ее группа «Аракс». Вторая песня называется «Узнай меня» — ее поет Татьяна Анциферова. Обе они написаны на стихи Леонида Дербенева для нового фильма киностудии имени Довженко, который тоже называется «Узнай меня». Фильм рассказывает о судьбах современной молодежи, о жизни большой сибирской стройки, и песни его ритмичны и задорны. При их исполнении надо стремиться не утратить этот «молодежный» характер.

**Первая сторона
второй пластинки:
Песни А. Зацепина**

НА ВЕЛЛАДНЫХ ПЛАСТИНКАХ НОМЕРА

МАШИНА ВРЕМЕНИ

А. ТРОИЦКИЙ,
журналист

В конце 60-х годов среди множества новорожденных вокально-инструментальных групп появился и ансамбль учеников 19-й московской спецшколы в составе Андрея Макаревича, Сергея Кавгоза, Александра Кутикова, Юрия Борзова. В 1968 году на школьном вечере они впервые познакомились с тем, как звучит настоящий, «живой» ансамбль (выступала известная в то время группа «Атланты»). А вскоре уже играли на концертах сами...

Большинство московских рок-групп в то время репетировали во Дворце культуры «Энергетик». Активность была высокой, энтузиазм неподдельным, но надо признать, что почти все группы ориентировались на «чужой» репертуар. Исключение составляли лишь «Скоморохи» и «Машина времени». Они придумывали свое, а не копировали.

Приблизительно к 1975 году «Машина» становится одной из двух-трех популярнейших московских групп. Ее начинают приглашать на фестивали и концерты в другие города. Снимается ансамбль и в кино — на студии «Мосфильм» в это время искали «типичный молодежный ВИА» для одного из эпизодов фильма «Афоня» («Танцы в молодежном клубе»).

Правда, вряд ли ассистент режиссера, пригласивший ансамбль на съемки, сделал точный выбор — в Москве было много самостоятельных ансамблей, которые играли более горячо, весело, энергично и наверняка выглядели более «типичными». По сравнению с ними песни «Машины» казались несколько сдержанными, репертуар — серьезным, в текстах песен надо было вслушиваться. Большинство из них, кстати, уже начинали свое самостоятельное, независимое от группы «фольклорное» существование — их пели на Севере и на Урале, в Средней Азии и в Сибири. Пели, не зная авторов.

Песни эти простые, легко «ложались» на гитару, запоминались. Хотя «Машина» считалась рок-ансамблем, как раз элемент рока был в ее композициях минимален и относился скорее к жесткому, острому ритму, чем к мелодической

сфере, изобилующей интонациями кантри, русского городского романса и обычной ВИА — эстрады в духе «Самозвонков». Немаловажно и то, что музыка в песнях группы «Машина времени» не являлась, как у всех остальных наших ВИА, доминирующим элементом, а играла явно подчиненную роль. Инструментально-интонационный базис был нужен ансамблю лишь для того, чтобы донести до сознания слушателей текст, его содержание. Поэтому руководитель ансамбля Андрей Макаревич был не очень озабочен современной аранжировкой — для его песен роскошь в виде электроорганов, синтезаторов или духовой секции была просто излишней: хватало гитар, ударных и просто акустического рояля.

За несколько лет в «Машине времени» сменилось около десяти человек, но ансамбль постоянно сохранял свое лицо: основным стержнем «Машины» все это время был репертуар, песни, придавшие ансамблю его характерный облик. Вы не найдете здесь ни лирических припевов, ни лирического стандарта («почему ты не пришла на свидание»). Основная задача стихов Макаревича — заставить молодого слушателя честно взглянуть на себя, своих друзей и окружающий мир, заставить более активно вмешаться в борьбу добра и зла, благородства и козности, передового и отживающего свой век:

Как легко решить, что ты слаб,
Чтобы мир изменить:
Опустить над крепостью флаг
И ворота открыть...

Это песни, где поэзия становится публицистикой, а метафоры часто напоминают лозунги. Песни, пробуждающие в слушателе активность социальной и гражданской позиции. Самое ненавистное для Андрея Макаревича — пассивность, отказ стать на определенную сторону в борьбе, стремление отсидеться в уголке.

Песни «Машины времени» касаются многих вопросов. Это и проблемы бескомпромиссности, и приспособленчества, и лицемерия. Есть и антивоенные («Весь

мир сошел с ума», «Девятый вал»), есть и фельетонно-бытового плана («Блюз о безусловном вреде пьянства»), но все они оптимистичны и жизнеутверждающи по своему духу. И дело даже не в отдельных строчках, хотя их можно назвать достаточно много («Я верую в светлый разум и в то, что он добрым будет» либо «Я в сотый раз опять начну сначала, пока не меркнет свет, пока горит свеча» и т. д. и т. п.), а в том, что в песнях этих бьется истовая заинтересованность и забота о наших жизненных проблемах, что они основаны на вере в добро, что они гуманны.

Правда, творчество группы неравно. В песнях Макаревича — при всех их достоинствах — встречается и многословие, и некоторая отвлеченность образов. Лучшие песни — те, в которых содержится и точный адрес, и точная мысль, такие, как «День рождения», «Кафе «Лира», «Мазурка на смерть поэта». Кстати, некоторые песни Андрей Макаревич исполняет без ансамбля, под аккомпанемент простой гитары или рояля, что лишний раз говорит о их родстве с песенным миром бардов.

Летом 1979 года в составе группы произошли очередные изменения. Сегодняшний состав ансамбля: Петр Подгорецкий (клавишные, вокал), Валерий Ефремов (ударные), Андрей Макаревич (гитара, фортепиано, вокал) и Александр Кутиков (бас-гитара, вокал). Вскоре «Машина времени» стала работать при Московском театре комедии и гастролировать как ансамбль Росконцерта. Первые гастроли — в Ростове-на-Дону — прошли успешно. В марте 1980 года «Машина» приняла участие во Всесоюзном фестивале эстрадной популярной музыки «Тбилиси-80» и завоевала (наряду с таллинским «Магнетиком») первую премию. Конкурсная программа, составленная из старых и новых песен Макаревича, прозвучала свежо, непосредственно. Она все еще чем-то напоминает студенческий песенный концерт-капустник, она уходит корнями в породившее ее «молодежное музыкальное движение» и питается его соками. И потому жюри предпочло «Машину» многим другим ансамблям, которые в чисто исполнительском плане можно было поставить выше. Союз журналистов Грузии отметил Макаревича специальным призом за лучшие песенные тексты, газета «Советская культура» назвала искания ансамбля «новаторскими и творческими», председатель жюри, композитор Ю. Саульский — «новым шагом в развитии традиционной для советской песни гражданской тематики».

Это — первый большой успех ансамбля, прошедшего непростой путь (длиной в двенадцать лет!), знавшего и неудачи, и поражения. Впереди новые трудности: ведь пока популярность группы зиждется на старой «подростковой» тематике, и ей, несомненно, придется разрабатывать новые пласты, искать новых героев. Но сегодня у «Машины времени», говоря словами ее же популярной песни, «...самый лучший день!»

Придут новые песни, и слава, и диски, но я верю, что Андрей Макаревич и его музыканты останутся такими же искренними, заинтересованными, молодыми.

На второй стороне второй пластинки этого номера звучат две песни Андрея Макаревича в исполнении ансамбля «Машина времени».

ОТКРЫТЫЙ УРОК

РЕШЕТИЦА

ВНАРОДНОМ

ХОРЕ

Ведет народная артистка СССР, лауреат Государственной премии СССР А. В. Прокошина

Занятие 8. Режиссура

— элементы сценического облика исполнителя;
— построение концертного номера, программы.

Режиссерская работа возможна лишь с коллективом, обладающим определенной сценической культурой, поэтому режиссура начинается с обучения азам: умению двигаться по сцене, мастерству гримирования, искусству носить концертные костюмы.

Движение. Начнем с простого. Вот хор выходит из-за кулис на сцену. Впереди — женская группа. Сценическая походка женщин отличается от бытовой: шаг должен быть мелкий, движения плавными. «Будто пава плывет», — говорили раньше о девушке, идущей в хороводе. Традиция торжественной, праздничной, но и строгой, сдержанной по-

ходки живет сегодня на сцене. Под стать походке и осанка — корпус прямой, голова приподнята, в облике исполнитель — достоинство и простота. А движение руками? Они почти незаметны.

Женская группа образовала на сцене полукруг, сзади на табуретки или подставки поднимаются мужчины. Это движение происходит одновременно — мужская группа мгновенно «вырастает» на заднем плане. Да и табуретки выносят на сцену быстро, ловко, устанавливая так, чтобы не привлекать внимания зрителей. Все эти предваряющие песню движения происходят на музыкальном фоне — вступлении.

Хор поет. Хорошо поет, а что-то мешает воспринимать песню. Смотрим на лица: один певец низко опустил голову, видны не глаза, а веки — будто спит, другой смотрит в сторону, третий — куда-то вверх. В целом впечатление разлада, сценическая композиция разрушена. Как же хористы должны держать головы? Ведь если они будут у всех в

Окончание (начало в № 3, 6, 7, 11, 1980).

одинаковом положении, тоже плохо: возникнет ощущение обезличенности исполнителей — не хор, а машина! Нет, пусть каждый держит голову так, как ему свойственно: кто-то склонит ее набок, кто-то чуть опустит вниз и т. д. Но вот же смотреть всем поющим следует в одно и то же место — в конец зала, чуть выше голов зрителей. Будто видят там певцы то, о чем поют, — «песенный образ». Тогда перед зрителями — люди, объединенные общей целью. И в то же время чувствуется, что каждый из них индивидуален в своих переживаниях.

Очень важную роль отводит режиссер рукам исполнителей. Если звучит спокойная, строгая песня, руки опущены. При исполнении лирической песни положение рук самые разнообразные, особенно у певиц. Вот они взяли платочки в руки, вот соединили их на груди, вот расплетают-заплетают косу. При этом все участницы делают жест одновременно, но не механически одинаково. Движение должно рождаться собственным настроением исполнителя, тогда оно будет естественным и своеобразным. Эти движения хористов — внешнее выражение эмоций, которые в данный момент вызывает у них песня: своей зримой «лепкой» они дополняют произведение, и перед зрителем уже не только песня — музыка и слово, — а нечто новое, родившееся у него на глазах...

Кончили петь. Общий поклон — одновременно, неспешный, с достоинством — мужчины немного склоняют головы, женщины кланяются чуть ниже. Хор уходит за кулисы. Движение более медленное, чем во время выхода: певцы будто размышляют над тем, что пробу-дила в них песня...

Замечу, что в репертуаре нашего коллектива немного произведений, при исполнении которых хор неподвижен. Ведь мы стремимся перенять народные традиции, а в народе песня звучит редко вне действия-движения: пляски, хоровода, игры, работы. Подобные реальные ситуации и становятся основой сценических воплощений крестьянских песен. Такова, например, одна из последних наших вокально-хореографических композиций «Вятские кружева», в которой воссоздана атмосфера деревенских посиделок. Вначале на сцену выходят девушки, выносят табуретки, садятся, начинают «работать». Тихо поют, будто переговариваются между собой. А потом приходят парни, все вместе сдвигают табуретки, скамейки в сторону, начинается кадрили — кульминация сцены. Словом, все просто, все как в жизни. Но чего стоит эта жизненная простота, преломленная в искусстве! «Ты плетешь кружево, — говорю я певице, — но в то же время думаешь о сокровенном, застенчивом, и в это время твои движения должны быть таковы, будто вплетаешь в кружевной узор свои мысли, мечты». Такую «сверхзадачу» я ставлю перед каждым исполнителем, в каждом эпизоде песни...

Особенности сценического убранства исполнителя. Начнем с прически. Взглянем снова на нашу воображаемую сцену. Вот вышел коллектив. Костюмы сделаны в народных традициях, головные уборы также традиционные, даже обязательные косы висят, но режет глаза какая-то фальшь! Смотрим на головы — из-под кокошников торчат разноцветные челки, завитки, локоны, не гармонирующие ни с головными уборами, ни с косами. Да и косы-то неправдоподобно

толстые — в две руки каждая и отливают синтетическим блеском...

Что ж, воспитать вкус у участников коллектива — небыстрое дело. Как раскрыть традиционно простую и скромную красоту убранства русской девушки? Может быть, показать репродукции картин Венецианова, Малявина, других художников... Или, как у нас в ансамбле, устроить «демонстрацию моделей» народной прически. Вот девушка танцует — волосы причесаны гладко, сзади коса, в ней яркая лента, завязанная пышным бантом (в моей родной Калужской области эту ленту называют ласково — «уплетница»). А вот девушка идет в хороводе — коса перекинута через плечо, обычно левое, на голове — кокошник. Можно повязать платок, можно уложить косу вокруг головы, а сверху надеть небольшой кокошник-повязку. Вариантов настолько много, что певицы могут иметь оригинальные прически для каждого концертного номера.

Грим. Красные, как яблоки, щеки, синие-зеленые провалы глазниц, «кровавые» ногти — кто не видел подобные обильно разукрашенные «народные» хоры? И опять мы возвращаемся к проблеме воспитания вкуса. Воспитание воспитанием, но надо и показать, как же правильно гримироваться. Как нанести основной тон, потом наложить румяна — чуть-чуть, немножко тронуть веки и брови. При этом объяснить, что, гримируясь, человек создает определенный сценический облик. И в то же время он должен остаться самим собой. Как найти эту тонкую грань? В этом и состоит искусство гримирования.

Костюмы. «У нас костюмы дорогие», — любят похвастать иные руководители народных хоров. Посмотришь — действительно, дорогие — золото, шитье, живо-го человека не видно за блестящей, точно елочная игрушка, оболочкой. Да и песни часто не вяжутся с этим мишурным блеском. А ведь костюм должен быть органичен в песне. И к тому же еще соответствовать характеру коллектива и подчеркивать индивидуальность исполнителя.

Как же решить эту тройную задачу? Давайте разберемся. Индивидуальность певца, танцора тем более заметна, чем менее заметен костюм, — это ясно. Следовательно, перегруженность одежды вышивками, блестящими и разноцветными деталями наносит только вред. Если костюм новый, необходимо добиться, чтобы участники коллектива привыкли к нему, так как в новой одежде человек всегда несколько неестествен. Поэтому задолго до концертного выступления, на репетициях, следует «прокачивать» обнову. Постепенно каждый артист найдет свои индивидуальные особенности в стиле ношения костюма, они-то и подчеркнут характерные черты личности.

Отразить в costume характер коллектива, пожалуй, самая сложная задача. Наша «Искорка», живущая на вятской земле, одета в сарафаны с традиционной местной вышивкой. Но это лишь первое приближение к «своему костюму». Ищем, думаем...

Костюм и песня. Конечно, невозможно для каждого концертного номера шить специальную одежду. И все-таки... Могу заявить, что наш ансамбль на каждый номер выходит одетый по-новому. Секрет прост — эффект новизны придает детали. Основа нашего концертного ко-стюма — тот самый сарафан. Цвет неяр-

кий, вышивок немного, по сути, это фон. Но вот мы исполняем курскую плясую. Девушки надели на сарафаны курские фартуки с традиционной отделкой, завязали пояса с большими бантами из разноцветных лент — так принято у курян, надели головные платки. Готов курский костюм.

А для орловской «Матани» добавляем к сарафану орловские фартуки, на рукава — пышные оборки, на головы надеваем традиционные для этой области «повойники». Так и «переодеваемся» к каждому выходу на сцену. У зрителей же остается ощущение бесконечного разнообразия нашей одежды. И достигнута основная цель — соответствие костюма песне.

Материалы, из которых сшиты наши костюмы, как правило, недорогие. Зато они хорошо сохраняют форму и переносят химчистку. Помочь в выборе материалов должен, конечно, специалист. Лучше всего обратиться к художнику, который сделает проект костюма и продумает все его элементы. Так, мы уже многие годы прибегаем к помощи Елизаветы Григорьевны Аксельрод. Она работает в Москве... и «одела» немало коллективов (может быть, этот адрес пригодится кому-то из руководителей народных хоров).

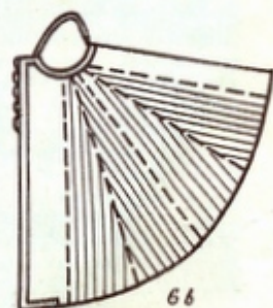
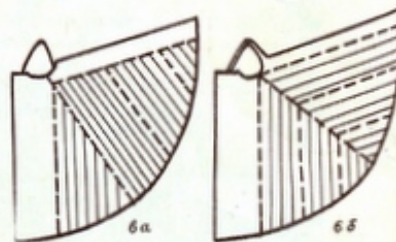
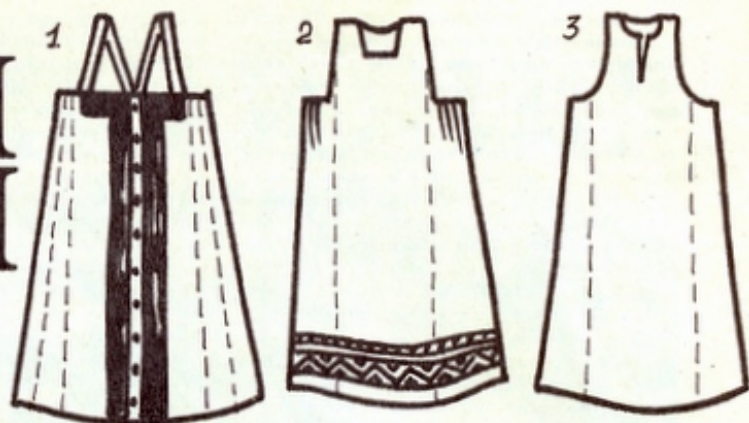
Построение концертной программы. Не только отдельный концертный номер, но и вся программа должна заключать в себе определенный образ. То есть должна быть стержневая идея программы, превращающая концерт в единый спектакль. Например, у нашего ансамбля есть программа «Вятский сувенир», главный герой которого — наш вятский край с его стариной и современностью. Начинаем этот концерт традиционными эдакими песнями — «Уродилось много ягод во бору» (звучит на пластинке «КХС» № 3, 1980), «Барабущка», а заканчиваем первое, «историческое», отделение вокально-хореографической композицией «Вятский сувенир». Это рассказ о традиционном ремесле-искусстве вятской — дымковской игрушки. И сегодня немало мастеров делают «дымку», следовательно, последний номер первого отделения перекидывает мостик из прошлого в нашу современность.

Второе отделение концерта и посвящено сегодняшнему дню вятской земли. Начинается оно песней «Мы Кировчане», ею мы заявляем о своей принадлежности к Кировскому краю. Потом «уточняем» принадлежность — поем песню о родном колхозе. Поем песни о труде, о колхозной жизни, пляшем, зазорные частушки исполняем. Заканчиваем концерт большой праздничной сюитой, в которой участвует весь коллектив и детская группа хора. На сцене — радостное, массовое действо, праздник людей труда.

Строят программу обычно на контрастах. Например, если идет лирическая композиция, то после нее необходима разрядка — быстрая пляска. А в целом при построении концертной программы применяют законы театра, то есть нужны завязка действия, кульминация и финал. Конечно, все приведенные здесь режиссерские рецепты достаточно общи, но ведь режиссура — искусство в большей мере индивидуальное, совершенствоваться, творить в котором должны вы сами. При этом следует помнить три главных, на мой взгляд, качества, необходимых режиссуре народного хора, — правдивость, простота и мудрость.

СТУДИЯ РУССКИЙ САРАФАН

С. ЛОГОФЕТ,
художник-модельер

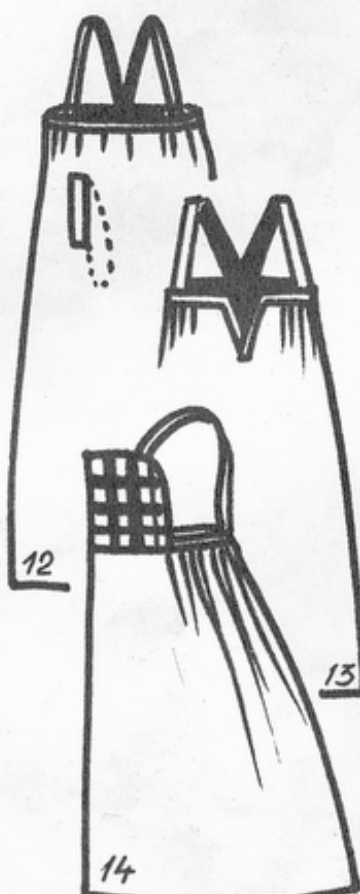
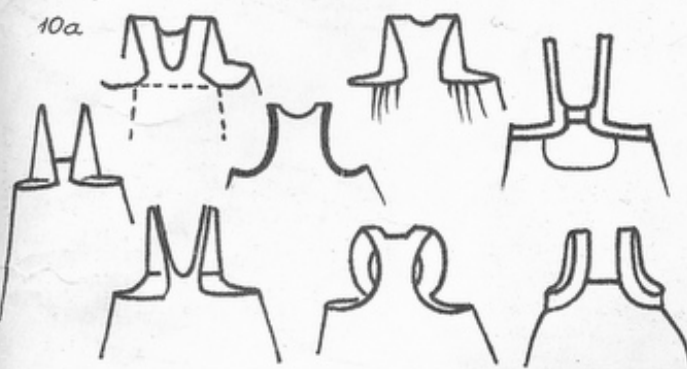
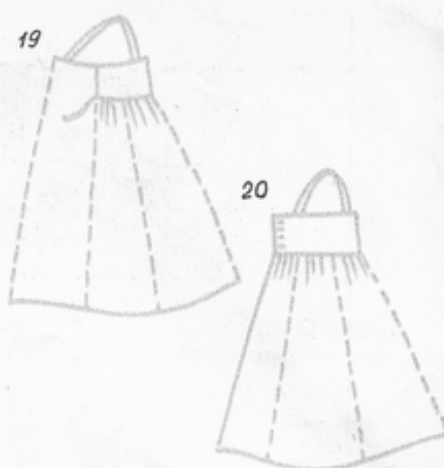
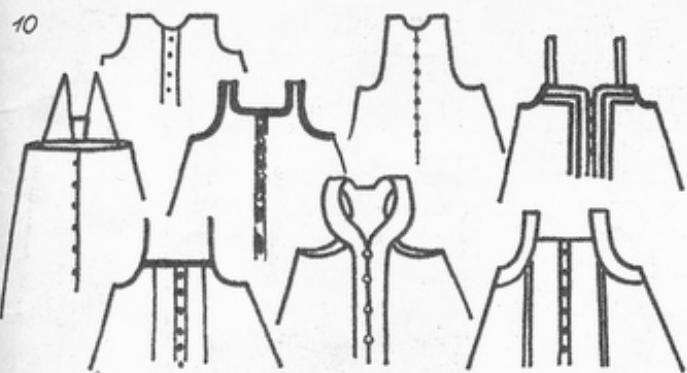

Сегодня это один из наиболее распространенных видов сценического костюма. Однако те сарафаны, которые мы видим на клубной сцене, часто весьма однообразны. Думается, один из путей поисков новых форм — обращение к этнографическому материалу. Предлагаем руководителям и участникам художественной самодеятельности познакомиться с основными вариантами этой традиционной русской женской одежды.

1. Древнейший тип сарафана — трапецевидный, без срединного шва, перед и спинка состоят из целых полотнищ, а в бока вставлены клинья. Встречались сарафаны с узкими пришитыми лямками (рис. 1, пуговицы и галуны декоративные), но преобладали с широкими,

вырезанными из основных полотнищ (рис. 2, 3). Зачастую они шились без плечевого шва — вырезалась только дырка для головы. К XIX веку такой сарафан для Севера был уже архаичен, его носили только старушки, зато в южных губерниях он как бы родился заново, став принадлежностью девичьего костюма (рис. 4 — курский, рис. 5 — воронежский).

II. Косоклиный сарафан — «клинник» был наиболее распространен в средней полосе и на Севере. Кроился так: на перед ставилось два прямых полотнища, на спинку — одно, а в бока — косые клинья, расширяющие сарафан в разложенном виде до полукруга. (рис. 6а — пензенский, 6б — владимирский, 6в — тамбов-

полотнища или вместе с лямками. В сарафанах из парчи и штофа, обшитых полосами позумента, щеголяли купчихи и крестьянки из зажиточных семей Севера (рис. 9). В основном же «клинники» шились из однотонной шерсти и черного, красного или синего холста, значительно реже из набойки. Украшали их лентами шириной 3—8 см с цветочным орнаментом, полосками набивного ситца и кумача, располагая их по переднему шву вдоль застежки, по груди до лямок, по спине до подмышек и по подолу.

III. На протяжении XIX столетия «клинники» почти повсеместно вытеснялись прямым сарафаном. Его метко называли «круглый», «московский», «раздувай» и считали «московской модой» (рис. 11 — архангельский). 4—8 прямых полотнищ сшивали друг с другом по кромке (как бы юбка на лямках — рис. 12, 13). Иногда «раздувай» шили с грудиной, в этом случае переднее полотнище делали длиннее или надставляли ситцем, так как под душегрей ее не было видно (рис. 14).

Все излишки ткани в верхней части собирали в складки или сборки, располагая их в основном сзади. Затем верхний край укрепляли обшивкой-пояском. Узкие лямки широко расставлялись спереди, а сзади сходились вместе. Крой одного из

таких сарафанов на рис. 15. Небольшой разрез с застежкой на крючке делался около левой лямки. Короткие ситцевые и холщовые «раздувай» надевали поверх рубахи, праздничные — атласные и парчовые — носили с душегреями, и они доходили «до пят».

IV. Наиболее поздний сарафан (середина XIX — начало XX века) — прямой с лифом. Был распространен в северных и центрально-промышленных районах. Форма лифа разная. Неполный лиф охватывал плотно только спину, то есть спинка сарафана состояла из прямоугольного куска ткани, а переднее удлиненное полотнище покрывало всю грудь. Лямки имели вид двух широких полос (рис. 16). В бока вшивались тесемочки, которые завязывались под грудью (рис. 19).

Сарафан с полным лифом — это, по существу, юбка на лифе с лямками, который застегивался спереди на пуговицы с прорезными петлями (рис. 18, 20).

Иногда такие сарафаны походили на платье без рукавов (рис. 17). Прямые сарафаны с лифом шились из клетчатой, реже полосатой ткани, набойки, а также фабричных тканей — ситца и кумача.

Тем, кто хочет полнее ознакомиться с историей сарафана, поможет литература:

1. Восточно-славянский этнографический сборник. М., Изд.-во АН СССР, 1956.

2. Тазихина Л. В. Русский сарафан (по коллекциям сарафанов Государственного музея этнографии народов СССР). — В кн. Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Краткие сообщения, вып. XX. М., Изд.-во АН СССР, 1955, с. 21—35.

3. Работнова И. П. Русская народная одежда. М., «Легкая индустрия», 1964.

4. Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX — начало XX века). Определитель. М., «Советская Россия», 1971.

ский). Сложность старинного кроя вызвана тем, что домо-тканые ткани были очень узкие. Раскрой из широких тканей делается с меньшим количеством швов. Необходимая принадлежность «клинника» — вертикальный ряд пуговиц с петлями из шнура. Эту общую схему разнобразило оформление верхней части сарафана (рис. 10 — вид спереди, рис.

10a — вид сзади) и отделка (рис. 7 — тверской, рис. 8 — владимирский, рис. 9 — архангельский). Глухие сарафаны, закрытые до шеи, с овальными проймами носили женщины постарше (рис. 8). Молодые ходили в сарафанах с открытым верхом. Между лямками и задним полотнищем обязательно была узенькая спинка. Она выкраивалась из самого

Клуб

И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Общественно-политический
и научно-методический
журнал ВЦСПС и Министерства
культуры СССР

12 (546)
ИЮНЬ
1980

Год издания
двадцать девятый.
Выходит два раза в месяц

Главный редактор
Л. Я. Алексеева.
Редакционная коллегия:
К. И. Аксанов,
ответственный секретарь,
Н. И. Дежнев,
А. И. Касков,
В. Н. Костецкий,
А. Т. Лашенко,
А. П. Осипов,
Р. А. Папилов,
О. Я. Ремез,
А. Г. Романов,
В. С. Сергунин,
В. М. Стриганов,
В. В. Сухорадо,
Л. Н. Тютиков,
Р. В. Уваров,
Г. И. Щербина,
и. о. зам. главного редактора.

Номер вела заместитель
ответственного секретаря
Л. Б. Гафонова.

Главный художник
А. Б. Буркатовский.
Художник номера
В. А. Белан.
Художественный редактор
Т. В. Юрченко.
Технический редактор
Л. М. Литвиненко.
Фото:
В. Грановский,
Ю. Красовская.

Рукописи и снимки
не возвращаются.

ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЦСПС
ПРОИЗДАТ

Вкладные пластинки
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия».

Адрес редакции:
101000, Москва, ул. Кирова, 13.
Телефон: 223-29-63.

Сдано в набор 16.04.80. Подписано в
печать 20.05.80. А-09654. Бумага 60X
X90/16. Печать глубокая, гарнитура
журнальная рубленая. Усл. п. л. 5.
Уч.-изд. л. 6,80. Тираж 155 000 экз.
Зак. 5184. Ордена Трудового Красного
Знамени Ленинградская типография
№ 3 имени Ивана Федорова Союзполи-
графпрома при Государственном комите-
те СССР по делам издательства, поли-
графии и книжной торговли.
191126, Ленинград.
Звенигородская, 11.

© «Клуб» и художественная
самодеятельность, 1980 г.

В НОМЕРЕ ЧИТАЙТЕ И СЛУШАЙТЕ

На вкладных пластинках номера

«Возрождение» 2 стр. обл.

Работать по-ленински

Память поколений 2
И. Ротин,
журналист

Изучаем опыт

Единство действий:
организация
и психология 5
Г. Гроцескул,
первый секретарь Щекинского
горкома КПСС

Проблемы и суждения

Зачем смотреть на Луну? 8
Л. Ширко,
журналист

Семинар

Эффект наглядной
пропаганды 11
В. Трипольский,
научный сотрудник научно-
исследовательского центра ВКШ
при ЦК ВЛКСМ

Человек и его дело

Александра Капитоновна 15
Ю. Красовская,
фольклорист,
член Союза композиторов СССР

Двор, улица, микрорайон

Главный аргумент — дело 18
А. Мостовой,
наш спец. корр.

Газета в журнале

«Мир увлечений» № 6 [52] 20

Далекое — близкое

Не ради славы... 24
Т. Саверская,
журналистка

Репертуарные листки

Профессия: композитор 27
Арк. Петров,
музыковед

На вкладных пластинках номера

Песни А. Зацепина
«Машина времени» 29
Л. Троицкий,
журналист

Открытый урок

Репетиция в народном хоре 30
А. Прокошина,
народная артистка СССР,
лауреат Государственной
премии СССР

Студия

Русский сарафан 32
С. Логофет,
художник-модельер

